

ВОЙНА ВЪ БОЛЬШОЙ ЧЕЧНѢ (*).

(Статья Маіора Властова.)

Вступленіе.

Кавказъ, по разнообразію своей мѣстности и климатическимъ условіямъ, представляетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ военныхъ дѣйствій: всѣ они имѣютъ цѣлію проникнуть въ глубь страны и обуздать набѣги ея хищныхъ обитателей, не теряя сообщенія съ рядомъ пунктовъ, обезпечивающихъ наше продовольствіе. Свойство мѣстности опредѣляетъ тѣ средства, кои ведутъ къ достиженію этой цѣли. Такъ въ Дагестанѣ, гдѣ высокія скалы и глубокія рѣки составляютъ неодолимую преграду, какъ для войскъ нашихъ, такъ и для непріятеля, вопросъ о доступѣ въ страну разрѣшается овладѣніемъ немногихъ пунктовъ, которые служатъ какъ бы воротами въ замкнутыя долины, гдѣ укрываются многочисленныя горскія племена, или ключами позицій, дозволяющихъ намъ во всякое время вторгаться въ предѣлы непокорныхъ народовъ, для наказанія ихъ за хищничество. Поэтому въ Дагестанѣ война наступательная есть рядъ осадъ непріятельскихъ укрѣпленій, замыкающихъ столь важные для насъ доступы. Экспедиціи производятся большею частію лѣтомъ, по трудности доставать зимою топливо для войска и кормъ для скота, на безлѣсныхъ высокихъ скалахъ Дагестана.

Совершенно другой родъ войны представляютъ дѣйствія въ Чечнѣ. Лѣсистые отроги главнаго Кавказскаго Хребта, вдаваясь понижающимися террасами внутрь страны, образуютъ множество ущелій и долинъ, покрытыхъ густыми лѣсами, перерѣзанныхъ множествомъ горныхъ потоковъ и топкихъ ручьевъ. Если въ Дагестанѣ овладѣніе однимъ пунктомъ можетъ иногда привести въ повиновеніе цѣлыя общины, то въ Чечнѣ, на мѣстности закрытой и пересѣченной, появленіе войскъ, возможное на всѣхъ почти пунктахъ, не имѣетъ по большей части никакого особеннаго вліянія на покореніе края. Самыя экспедиціи производятся зимою, когда обнаженный лѣсъ дозволяетъ взору проникать въ глубь его, и не представляетъ горцамъ возможности безнаказанно наносить намъ вредъ своими мѣткими выстрѣлами.

(*) Статья эта заключаетъ въ себѣ разсказъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Чечнѣ съ 1850 по 1855 годъ. Вступленіе содержитъ любопытное описаніе Чечни и ея обитателей. — *Ред.*

Предметъ этой статьи представить краткій очеркъ военныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ съ 1850 по 1855 годъ, съ цѣлію хотя нѣсколько познакомить нашу публику съ характеромъ края и дѣйствій нашихъ въ Чечнѣ. Понятно, что въ этой статьѣ нельзя искать ни подробнаго описанія мѣстности, ни обстоятельнаго взгляда на военныя дѣйствія—это не болѣе, какъ извлеченіе изъ воспоминаній кавказскаго фронтоваго офицера, который, будучи очевидцемъ описываемыхъ событій, желаетъ хоть нѣсколько уяснить для большей части читателей, не бывшихъ на Кавказѣ, что нужно разумѣть подъ именемъ этой войны?

Мы займемся исключительно описаніемъ войны въ Большой Чечнѣ, которая въ послѣднее пятилѣтіе преимущественно обращала на себя вниманіе начальниковъ края, какъ военное средство для обезпеченія всей нашей надтеречной линіи (предѣла русскаго хлѣбопашества), и какъ нравственное вліяніе на горскія племена, повинующіяся Шамилю.

Чтобы сдѣлать по возможности общепонятнымъ этотъ разсказъ, взглянемъ прежде всего на географическое положеніе Большой Чечни. Примыкая съ одной стороны къ горамъ и образуя обширную и плодородную долину, она граничитъ съ сѣверо-восточной стороны съ Кумыкскою Плоскостью, на которой живутъ давно покорныя и вѣрныя намъ племена. Плоскость эта простирается до Терека, и отдѣлена отъ Чечни невысокимъ лѣсистымъ хребтомъ, представляющимъ весьма удобное мѣсто для вторженія хищническихъ партій, которыя производятъ свои воровства и разбои на плоскости, а иногда, при мелководіи, пробираются и за Терекъ. Сѣверная часть Большой Чечни отдѣляется отъ Терека Умаханъ-юртовскимъ Хребтомъ, который совершенно сходенъ съ Качкалыковскимъ и составляетъ его продолженіе, но раздѣленъ съ нимъ ущельемъ, чрезъ которое прорывается р. Сунжа. На западъ отъ Большой Чечни, Аргунъ разграничиваетъ съ нею наши владѣнія. Рѣка эта течетъ по прекрасной равнинѣ, гдѣ только, какъ гигантскіе часовые, стоятъ два огромные лѣсистые холма, образующіе Ханкальское Ущелье, по дорогѣ изъ Грозной въ Воздвиженскую.

Изъ сказаннаго видно, что три стороны Большой Чечни окружены нашими владѣніями, и что усмиреніе хищныхъ обитателей этого куска земли, постояннаго притона разбойничьихъ партій, могло бы обезпечить всю линію отъ набѣговъ. Но есть еще важнѣйшая причина, по которой Большая Чечня имѣетъ для насъ большую важность: эта прекрасная долина, перерѣзанная множествомъ горныхъ рѣкъ и ручейковъ, необыкновенно плодородна. Самое теченіе рѣкъ по весьма чувствительному склону способствуетъ искуственному наводненію открытыхъ полей посредствомъ каналовъ, необходимому средству при воздѣлываніи риса (чалтыка), который составляетъ одну изъ главныхъ потребностей

горца. Превосходныя пастбища даютъ возможность разводить многочисленныя стада, которыя составляютъ богатство Чеченца. Необозримыя поля кукурузы и ячменя доставляютъ огромные запасы продовольствія для обитателей высокихъ горныхъ плато, гдѣ возможно только скотоводство, и гдѣ хлѣбопашество не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльца.

Въ предметъ этой статьи не входитъ исторія возстанія Чеченцевъ въ 1840 году, а потому мы прямо приступимъ къ обзору нашихъ военныхъ дѣйствій съ 1850 года, когда усилія наши были преимущественно обращены на обузданіе хищничества племенъ Большой Чечни.

Для уразумѣнія описываемыхъ военныхъ дѣйствій, бросимъ бѣглый взглядъ на страну, въ которой намъ приходилось воевать (*).

Большая Чечня есть огромная котловина, окоймленная горами. Отроги главнаго хребта, вдаваясь неправильными уступами внутрь страны, охватываютъ ее полукругомъ. Южная и восточная граница Чечни опредѣляется подошвою этихъ лѣсистыхъ отроговъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, постепенно понижаются. На сѣверо-востокѣ отъ этихъ возвышенностей отдѣляется, долиной р. Мечика, меньшій хребетъ, извѣстный подъ именемъ Качкалыковскаго. Тамъ, гдѣ Мечикъ, вырываясь изъ глубокой и узкой долины, входитъ въ котловину Большой Чечни, отдѣляется и Качкалыковскій Хребетъ отъ массы горъ, и образовавъ въ семъ пунктѣ мечиковское дефиле, тянется къ сѣверу. Неподалеку отъ Терека, онъ прорѣзывается р. Сунжей. Продолженіе этого хребта, извѣстное подъ названіемъ Умаханъ-юртовскаго, дѣлаетъ съ Качкалыковскимъ Хребтомъ уголъ, подходящій къ прямому; хребетъ этотъ потомъ постепенно понижается, и по мѣрѣ приближенія къ Малой Чечнѣ обозначается рядомъ безлѣсныхъ высокихъ холмовъ (**).

Такимъ образомъ Чечня ограждена съ трехъ сторонъ горами: на югѣ и востокѣ Черныя Горы образуютъ полукружіе; съ сѣверо-востока Качкалыковскій Хребетъ отдѣляетъ Большую Чечню отъ Кумыкской Плоскости; съ сѣвера Умаханъ-юртовскій Хребетъ тянется между рѣками Терекомъ и Сунжею (послѣдняя течетъ внутри котловины), и только съ запада Большая Чечня представляетъ пространную равнину, покрытую лѣсами. Эта равнина прорѣзана съ юга на сѣверъ р. Аргуномъ, который и служитъ западною границею Большой Чечни. Рѣка Аргунъ вырывается изъ мрачнаго ущелья того же имени, и катитъ быстрыя воды свои въ широкомъ ложѣ съ высокими берегами, что составляетъ

(*) Авторъ проситъ вспомнить, что, по многимъ причинамъ, географическія свѣдѣнія, и въ особенности топографическія, не могутъ быть полными.

(**) На всемъ протяженіи Хребтовъ Качкалыковскаго и Умаханъ-юртовскаго находятся горячіе ключи весьма высокой температуры, и что весьма замѣчательно, всѣ на наружной ихъ покатости, между тѣмъ какъ внутри котловины Большой Чечни горячихъ ключей до сихъ поръ неизвѣстно.

отличительнй характеръ горныхъ рѣкъ, мелководныхъ въ продолженіе большей части года; но въ слѣдствіе дождей и таянія снѣговъ онѣ внезапно превращаются въ непроходимые потоки. Всѣ упомянутыя рѣки, по большей части, текутъ по песчаному грунту и изобилуютъ известковымъ камнемъ.

Если отъ р. Аргуна будемъ мысленно подаваться внутрь страны, то замѣтимъ, что основаніемъ водной системы представляется рѣка Сунжа, которая принимаетъ въ себя р. Аргунъ и всѣ другія рѣки Чечни, берущія свое начало изъ горныхъ ущелій и балокъ. Рѣка Сунжа течетъ (на сѣверѣ Чечни), съ *запада* на *востокъ*, а главное направленіе всѣхъ рѣкъ Большой Чечни перпендикулярно къ ней съ *юга* на *сѣверъ*, такъ что Сунжу и Аргунъ можно разсматривать какъ координаты водной системы.

Сунжа беретъ свое начало въ землѣ Ингушей; она течетъ отъ истоковъ своихъ, въ главномъ хребтѣ, на сѣверъ, и, послѣ многихъ изгибовъ входитъ въ котловину Большой Чечни, огибаетъ ее съ сѣвера, и, прорѣзавши Качкалыковскій Хребетъ въ Умаханъ-юртовскомъ Ущельи, поворачиваетъ круто на сѣверъ и впадаетъ въ Терекъ. Сунжа принимаетъ въ себя, внутри котловины Большой Чечни, во-первыхъ, Аргунъ; потомъ, слѣдуя отъ запада къ востоку, Джалку, и, наконецъ, Гудермесъ или Гумсъ, который сливается съ Сунжею при самомъ прорывѣ ея сквозь ущеліе. *Джалка* образуется отъ сліянія Баса, горной рѣчки, берущей свое начало на югѣ Чечни, со множествомъ шавдоновъ. Подъ именемъ *шавдоновъ* разумѣютъ здѣсь топкіе болотистые ручьи, которые текутъ не по песчаному ложу, какъ всѣ горные потоки, а по иловатому или глинистому грунту.

Восточнѣе Баса и Джалки прорѣзываетъ Чечню, съ юга на сѣверъ, *Хулхулу*, имѣющая всѣ особенности горныхъ рѣкъ. Она впадаетъ въ Гудермесъ, который, выше ея впаденія, принимаетъ въ себя съ правой стороны Мечикъ. *Мечикъ*, какъ сказано уже выше, течетъ сначала въ узкой и глубокой долинѣ, и выходя на чеченскую поляну, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Гансау. Эти двѣ рѣки отличаются тѣмъ, что текутъ по весьма глубокому ложу съ обрывистыми берегами; онѣ не топки, хотя ложе ихъ имѣетъ глинистый грунтъ, но, по свойству своихъ береговъ, не вездѣ допускаютъ переправу. Кромѣ всѣхъ этихъ рѣкъ, Чечня прорѣзана множествомъ каналовъ для орошенія полей, болотистыхъ ручьевъ, берущихъ свое начало изъ родниковъ; они образуютъ обширную водную сѣть, необыкновенно способствующую растительности. Огромные чинары, дубъ, кленъ, карачакъ, груша, вишня, черешня, дикая слива (лыча), орѣшникъ, покрываютъ богатую долину Чечни, образуя лѣтомъ непроходимую чащу, перевi-

тую дикимъ виноградникомъ и вьющимися растеніями. Между этими лѣсами открываются обширныя поляны, кое-гдѣ поросшія кустарниками, на которыхъ зрѣетъ хлѣбъ и пасутся стада.

Движеніе русскихъ войскъ по этой пересѣченной и закрытой мѣстности представляетъ весьма важныя затрудненія. Отрядъ, двигаясь впередъ, долженъ имѣть съ собою необходимое продовольствіе, военные запасы, повозки для раненыхъ; отсюда является необходимость въ значительномъ обозѣ. Обозъ этотъ долженъ быть прикрытъ со всѣхъ сторонъ цѣпью, чтобы не допустить къ нему прорыва непріятеля, который съ такимъ искусствомъ умѣетъ пользоваться мѣстностью, скрывается при нашемъ наступленіи, снова появляется на всѣхъ пунктахъ, невидимъ, неуловимъ, но съ убійственною мѣткостью посылаетъ свои пули, пользуясь лѣсомъ, скрывающимъ его отъ взора, оврагомъ, канавою или балкою; непріятель, который всегда сторожитъ наши движенія, всегда наготовѣ, и который, пользуясь утомленіемъ цѣпи, иногда ослабленной потерями, мгновенно бросается на нее, пытаясь смять; но, отраженный штыками, снова выжидаетъ удобной минуты, и гдѣ-нибудь на днѣ темнаго лѣсистаго оврага, среди частаго орѣшника, перевитаго лозою, когда резервы отдѣлены отъ цѣпи, пара отъ пары, человѣкъ отъ человѣка — врагъ стремительно бросается на разведенную цѣпь, и, снова отраженный, исчезаетъ, чтобы снова появиться.

Понятно, что движенія по этой странѣ не могутъ обойтись безъ значительныхъ потерь. До 1850 года войска наши бывали въ Большой Чечнѣ только набѣгами. Не имѣя ни опорнаго пункта, ни хорошаго пути отступленія, мы могли втѳргаться внутрь страны не иначе, какъ при условіи возвратиться въ тотъ же день въ укрѣпленіе. Застигнутый врасплохъ, Чеченецъ дрался какъ левъ; при отступленіи, онъ съ ожесточеніемъ бросался на аріергардъ, которому въ чеченской войнѣ выпадаетъ всегда самая тяжелая работа,—а по уходѣ Русскихъ, на другой день, снова строилъ свою незатѣйливую саклю, которая черезъ недѣлю была готова, снова заводился скотомъ, снова сѣялъ свой хлѣбъ, и на томъ же мѣстѣ, разбойничая, жилъ беззаботно до новаго набѣга, въ отмщеніе за хищничества.

Необходимо было измѣнить такой порядокъ вещей, и дать войскамъ нашимъ возможность проникать въ эту недоступную по природѣ страну.

Для этой цѣли нужно было только проложить пути, по которымъ могли бы безпрепятственно двигаться отряды. Цѣль эта достигалась вырубкою просѣкъ, шириною на одинъ или на два пушечные выстрѣла. Эти широкія улицы, соединявшія между собою большія поляны, представили вѣрное средство для успѣха; ибо тамъ, гдѣ возможно для насъ соединенное дѣйствіе трехъ родовъ оружія, гдѣ возможенъ порядокъ —

несокрушимая сила регулярныхъ войскъ, тамъ мы властелины мѣстности, и несмѣтныя толпы горцевъ не могутъ воспрепятствовать нашимъ движеніямъ. Достаточно вспомнить блистательное дѣло (6-го Февраля 1850 года) Полковника (нынѣ Генералъ-Маіора) Майделя, на Шалинской Полянѣ, гдѣ съ четырьмя баталіонами онъ дрался и одержалъ верхъ надъ скопищемъ Хаджи-Мурата и Элисуйскаго Султана Даніеля; дѣло 6-го Октября 1854 года, при Исти-су, гдѣ Полковникъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Баронъ Николаи съ семью ротами оттѣснилъ отъ окруженнаго уже аула двадцати-тысячную толпу горцевъ, — и убѣдиться, что нестройныя, хотя и многочисленныя, толпы не могутъ держаться противу мужественной горсти людей, производящихъ свое наступленіе въ порядкѣ и поддерживаемыхъ артиллеріею.

Остановимъ вниманіе читателя на пунктахъ, могущихъ облегчать доступъ внутрь страны.

Основаніемъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ этомъ краѣ естественно должно назвать Аргунъ, протекающій по равнинѣ, и къ которому прилегаетъ страна, въ нашихъ рукахъ находящаяся. Почти паралельно Аргуну идетъ дорога изъ Грозной въ Воздвиженскую; она пролегаетъ черезъ Ханкальское Ущелье, которое однако не представляетъ никакой опасности, ибо оба выхода этого дефиле, образованнаго, какъ мы выше сказали, двумя гигантскими лѣсистыми холмами, находятся въ нашихъ рукахъ. Исключая же этого мѣста, дорога идетъ по открытой безлѣсной равнинѣ, и потому слѣдованіе по ней совершенно безопасно.

Правая (непріятельская) сторона Аргуна, отъ ущелья до Ханкаловъ, представляетъ также безлѣсную равнину; вдали только виднѣется густой лѣсъ, служившій какъ бы завѣсою обширной Шалинской Поляны, которая посредствомъ множества перелѣсковъ соединяется съ другими меньшими полянами, ведущими далеко внутрь страны. На югѣ, эти поляны простираются до мезенскихъ хуторовъ; на юго-востокѣ ведутъ къ ауламъ Автуръ и Гельдигенъ, которые лежатъ на послѣднихъ скатахъ Черныхъ Горъ. Всѣ усилія наши были направлены къ тому, чтобы прорубить густую завѣсу, отдѣляющую равнину праваго берега Аргуна отъ Шалинской Поляны, для удобнѣйшаго доступа внутрь страны. Низовья Аргуна, отъ Ханкаловъ до впаденія его въ Сунжу, представляютъ также выгоды для наступленія. Хотя Джалка и множество ручьевъ и балокъ перерѣзываютъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ, но, по сдѣланіи просѣкъ и разчисткѣ на большое разстояніе дорогъ, эта пересѣченность мѣстности не можетъ быть опасною для колонны, слѣдующей съ военными и продовольственными запасами въ передовое укрѣпленіе. Какъ только невозможно неожидан-

ное нападеніе, то рѣдко толпы горцевъ рѣшаются бросаться на войска, двигающіяся въ порядкѣ. Самыя нижнія части Аргуна низменны, топки и покрыты густыми лѣсами, что дѣлаетъ ихъ неудобными для движенія войскъ. Таковы доступы съ западной стороны Чечни; затѣмъ огибая страну эту, мы естественно остановимся на ущельѣ, образованномъ прорывомъ Сунжи сквозь Качкалыковскій Хребетъ, тамъ, гдѣ Гудермесъ сливается съ нею, замыкая собою это широкое дефиле. Отъ укрѣпленія Умаханъ-юрта, лежащаго при входѣ въ ущелье, до укрѣпленія Тепликичу, при впаденіи Аргуна въ Сунжу, идетъ дорога по лѣвому берегу этой рѣки. Хотя дорога эта лежитъ и внутри Чечни, на южномъ скатѣ Умаханъ-юртовскаго Хребта, но защищенная на всемъ своемъ протяженіи теченіемъ Сунжи, которой обрывистые берега допускаютъ переправу лишь на немногихъ пунктахъ, она, при нѣкоторой разработкѣ, можетъ служить лучшимъ и кратчайшимъ сообщеніемъ Кумыкской Плоскости съ центромъ управленія лѣваго фланга, крѣпостью Грозной.

Гудермесъ, который вливается здѣсь въ Сунжу, замыкаетъ это ущелье, но онъ переходимъ въ бродъ, берега его, на протяженіи дефиле, безлѣсны, и онъ не представляетъ препятствія для движенія. Далѣе, на пушечный выстрѣлъ отъ него, растетъ частый дубнякъ, который, подходя къ Сунжѣ, превращается въ большой чинаровый и дубовый лѣсъ; за этимъ перелѣскомъ открываются обширныя поляны, перерѣзанныя только кое-гдѣ топкими болотистыми ручьями или шавдонами. Выше по теченію Гудермеса находится непріятельскій аулъ Гертме, а еще выше, при сліяніи Мечика съ Гудермесомъ, Галбонъ. Оба эти аула защищены со стороны Умаханъ-юртовскаго Ущелья густымъ лѣсомъ и отчасти болотистою мѣстностью.

Тамъ, гдѣ Качкалыковскій Хребетъ замѣтно отдѣляется отъ массы Черныхъ Горъ и тянется одинъ, составляя границу между котловиною Большой Чечни и большою плоскостью, извѣстною подъ именемъ Кумыкской, стоитъ на сѣверо-восточномъ скатѣ его наше Куринское Укрѣпленіе. На противуположной сторонѣ хребта, прямо противъ Укр. Куринскаго, Черныя Горы круто поворачиваютъ на югъ, и расходятся подъ прямымъ угломъ съ Качкалыковскимъ Хребтомъ, давая исходъ Мечику изъ его долины. Здѣсь взору представляется обширная, чистая поляна, перерѣзанная Мечикомъ и Гансау.

Двѣ версты ниже этого мѣста, хребетъ нѣсколько понижается и представляетъ ту выгоду, что войска могутъ спускаться прямо на ровную, чистую поляну, на которой хотя Мечикъ и составляетъ препятствіе по высокимъ обрывистымъ берегамъ своимъ, но берега эти безлѣсны и могутъ быть обстрѣливаемы артиллеріей; а за Мечикомъ снова простирается чистая, безлѣсная поляна.

Отъ поляны этой внизъ по Мечику, который течетъ у самой подошвы Качкалыковскаго Хребта, тянется кустарникъ, на разстояніи восьми или девяти верстъ, до самаго сліянія Мечика съ Гудермесомъ. Впрочемъ, здѣсь часто встрѣчаются площадки; только отъ точки сліянія этихъ двухъ рѣкъ кустарникъ становится гуще и выше, а почва дѣлается болотистою и топкою. Болота и топкія мѣста составляютъ отличительный характеръ нижнихъ частей теченія всѣхъ рѣкъ Чечни, и уголъ, обозначенный Сунжею и Гудермесомъ, обилуетъ шавдонами и трясинами.

Возвращаясь къ Мечиковской Полянѣ, мы видимъ, что она окаймлена густымъ, непроходимымъ почти орѣшникомъ, отдѣляющимъ южную часть ея отъ глубокаго ложа Гудермеса, который вытекаетъ изъ Черныхъ Горъ. На скатахъ ихъ, за Гудермесомъ, находится большой аулъ Маларту̀пъ, защищенный съ трехъ сторонъ глубокими балками.

Кромѣ этихъ пунктовъ, Качкалыковскій Хребетъ, покрытый лѣсомъ и защищенный съ внутренней стороны Чечни теченіемъ Мечика, лѣсами, оврагами, рытвинами и канавами, нигдѣ не представляетъ удобнаго мѣста для вступленія войскъ.

Всѣ эти свѣдѣнія были весьма темны и сбивчивы до тѣхъ поръ, пока мы ближе не познакомились съ Чечнею, проникнувъ въ глубь ея разбойничьихъ притоновъ, чему много содѣйствовали усиленныя рекогносцировки и въ особенности блистательныя и глубоко обдуманныя движенія Генералъ-Адъютанта Князя Барятинскаго. Всѣ они сорвали съ Чечни завѣсу тайны, подъ которою она была дотолѣ скрыта, и дозволили ясно оцѣнить характеръ страны и трудности при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Набросавъ очеркъ мѣстности, скажемъ нѣсколько словъ о племени, населяющемъ эту прекрасную долину. Чеченецъ, по умственнымъ способностямъ, стоитъ выше Авара, Тавлинца, Осетина и многихъ другихъ племенъ Кавказа. Онъ смѣтливъ, понятливъ, даже уменъ въ ограниченномъ кругу своихъ дѣйствій; онъ гостепріименъ, добръ и не чуждается иновѣрцевъ, если только не преданъ фанатизму, что впрочемъ встрѣчается между ними весьма рѣдко. Приверженный, какъ всѣ младенчествующіе народы, къ обычаямъ старины, онъ не чуждъ однако желанія лучшаго; понимаетъ превосходство образованія, и съ истиннымъ уваженіемъ смотритъ на ученаго (*). Къ сожалѣнію, его хорошія каче-

(*) 14-го Ноября 1852 года, извѣстный ученый нашъ, г. Абихъ, проѣзжая для геологическихъ изслѣдованій, вдоль по Качкалыковскому Хребту, ночевалъ въ Куринскѣ и сдѣлалъ мнѣ честь, остановившись у меня. На другой день мы поѣхали вмѣстѣ на горячіе ключи, гдѣ поселенъ чеченскій аулъ Исти-су. Г. Абихъ занялся изслѣдованіемъ минеральнаго источника, между тѣмъ толпы Чеченцевъ окружили насъ и, съ любопытствомъ смотря на изслѣдователя, спрашивали Ге-

ства заглушаются умственною неподвижностью, которую налагаетъ исламъ на своихъ послѣдователей. Каждая попытка вырваться изъ обычной, вседневной колеи считается между ними возстаніемъ противъ религіи, возмущеніемъ противъ закона. Невѣжество, незнаніе корана, даже самыми муллами, заставляетъ Чеченцевъ слѣпо вѣрить, что ничтожнѣйшій обычай ихъ предковъ записанъ въ священной книгѣ и освященъ религіей. Ихъ коварство и жестокость проистекаютъ также отъ вліянія исламизма. Человѣческія страсти, не управляемыя Христіанскою Религіею, переходятъ въ инстинктъ звѣря; вотъ почему, при хорошихъ врожденныхъ качествахъ, Чеченецъ мстителенъ до жестокости, коваренъ и скрытенъ для удовлетворенія своихъ страстей, и считаетъ всѣ средства дозволенными для достиженія цѣли.

Но кто же такой Чеченецъ по происхожденію? Къ какому большому семейству человѣческаго рода должны мы отнести его? Сначала мнѣ пришелъ на мысль остроумный выводъ г-на Лейярда, о рѣзкомъ различіи, существующемъ между поколѣніями семитическимъ и индоевропейскимъ.

«Семитическое племя», говоритъ онъ, «обладаетъ блестящими способностями: рѣчь его краснорѣчива, сравненія блестящи, уподобленія вѣрны и поэтичны, но у него нѣтъ стремленія къ лучшему. Какъ дѣлали отцы его, такъ дѣлаетъ и онъ; умъ его, одаренный богатыми способностями, не двигается впередъ, не совершенствуется. Напротивъ, Индо-Европеецъ не имѣетъ врожденнаго дара краснорѣчія, онъ не поэтъ, какъ Арабъ: заставьте его въ грубомъ, невѣжественномъ состояніи обратиться съ рѣчью къ своимъ друзьямъ, обороты его рѣчи будутъ грубы и тяжелы; заставьте его вылѣпить сосудъ изъ глины, онъ будетъ имѣть самыя неизящныя формы. Но Индо-Европеецъ, заимствуя формы, аллегоріи и даже понятіе о красотѣ у народовъ, обладающихъ отъ природы блестящимъ воображеніемъ и врожденною любовью къ прекрасному, т. е. у народовъ семитическаго происхожденія, обладаетъ за то другой способностью—анализировать воспринятое впечатлѣніе, уяснять себѣ причины и условія проявленій прекраснаго, и, посредствомъ строгаго разсужденія и своихъ мыслящихъ способностей, улучшать и доводить до совершенства формы и понятія, заимствованныя имъ отъ другихъ (*).»

нералъ-Маіора Бакланова, который присутствовалъ при опытѣ, что дѣлаетъ новоприѣзжій ученый. Когда Генералъ-Маіоръ Баклановъ объяснилъ имъ, что г. Абихъ хочетъ узнать составъ воды, они нисколько не тревожились реагентами, которые вливалъ г. Абихъ въ самый источникъ, доставлявшій воду для питья аулу, и съ видимымъ уваженіемъ слѣдили за его дѣйствіями. Черезъ нѣсколько дней у нихъ даже разнеслась молва, что ученаго, который пріѣзжалъ испытывать ихъ воду, вѣроятно, назначатъ командующимъ подвижнымъ резервомъ Укрѣпленія Куринскаго.

(*) Layard. Nineveh and ist remains. Vol. II, Part II, ch. II edit. of New-York.

Кто жилъ посреди племенъ сѣверной Кавказской Линіи, того не можетъ не поразить это мнѣніе. Чеченцы, Кабардинцы и, говорятъ, всѣ племена Адиге, какъ будто вылиты въ форму Семита; но, всматриваясь ближе, можно угадать, что это прививка, вѣроятно арабская. Кавказъ былъ издавна притономъ бродячихъ ордъ и племенъ со всѣхъ концевъ свѣта: съ Тибетской Плоской Возвышенности, съ береговъ Атлантическаго Океана, степей Аравіи и съ равнинъ холодной Скиѳіи; Кавказъ можно уподобить тѣмъ скуднымъ источникамъ посреди степей африканскихъ, куда, какъ разсказываетъ Плиній, сбѣгались животныя различныхъ породъ для утоленія жажды, и, совокупляясь, производили новыя чудовищныя породы, въ которыхъ трудно было угадать ихъ происхожденіе. Только слабые намеки преданій иногда указываютъ на происхожденіе племени; но по большей части преданія эти искажены, забыты и замѣнены баснями изъ корана, въ которомъ, по мнѣнію невѣжественныхъ племенъ, заключается исторія всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Намъ остается еще наблюденіе характера народа, его обычаевъ; но и эти данныя невѣрны и обусловливаются вліяніемъ другихъ племенъ. Вѣрнѣе другихъ путей ведетъ къ разъясненію о происхожденіи племени наука языкознанія и корнесловія, и на нее-то обращено нынѣ вниманіе Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Въ настоящее время готовятся матеріялы для изданія сравнительнаго словаря всѣхъ кавказскихъ языковъ и нарѣчій—трудъ громадный, который внесетъ новый и яркій свѣтъ въ науку. Лингвистика, поддержанная наблюденіемъ характера и обычаевъ, уяснитъ непонятный иногда узелъ преданій и отдѣлитъ запутанныя сказанія различныхъ племенъ.

Въ настоящемъ нашемъ слабомъ и поверхностномъ розысканіи не могу однако не указать на нѣкоторыя особенности чеченскаго языка, открывающія обширное поле для размышленія. Сходство нѣкоторыхъ чеченскихъ словъ съ латинскими, нѣмецкими и англійскими поразительно. Такъ по-чеченски *дицеръ*—говорить, повелительное—*дице*; *ареа* (агеа)—поле, пустопорожнее мѣсто; *ю уеде* (ео)—я иду; *цурюкъ*—назадъ, а также—безъ; *асъ до*—я дѣлаю (англ. *I do*) (*). Скажу болѣе: я нашелъ въ чеченскомъ языкѣ формы, встрѣчающіяся только въ образованнѣйшихъ языкахъ древняго міра. Я говорю объ употребленіи дательнаго съ причастіемъ (Deo volente, Богу попустившу, Augusto imperante, Августу царствующу), и двухъ дательныхъ независимыхъ съ причастіемъ, которое согласовано съ однимъ изъ нихъ; такъ Чече-

(*) Богъ Деелли.—Въ этомъ словѣ, кажется, можно угадать два различныхъ корня: *Deus* и *Алла*, соединенные вмѣстѣ,—два начала: латинское и арабское, христіанское и мухамеданское.

нецъ, вмѣсто употребленія наръчія *когда*, говоритъ: *Мулла Наесеретана, беернишь Кордеена, елле* и т. д. буквально: *Муллѣ Наесерету дѣтямъ надоѣвшимъ сказалъ* (*) и т. д. Откуда вошли въ употребленіе эти слова и формы? Почему Чеченецъ смѣтливѣе и понятливѣе племенъ, которыхъ происхожденіе отъ Гунновъ, Аваровъ и Монголовъ не подлежитъ сомнѣнію? Почему, какъ увидимъ мы ниже, онъ былъ христіаниномъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ? Почему наконецъ въ центрѣ чеченскаго народонаселенія сохранились оружейники, которые, по неизмѣняемому обычаю своихъ отцовъ, подѣлываютъ шашки, называемые *волчками*, съ изображеніемъ волка, который такъ напоминаетъ *les loups de Gascogne* (**)?

На Кавказѣ, начиная съ 8-го вѣка, когда кончилось великое переселеніе народовъ, замѣтно три вліянія: одно изъ нихъ *чисто арабское*; завоеватели полусвѣта проникли также въ горы Кавказа, и поработивъ найденныя тамъ племена, внеся къ нимъ исламизмъ, сдѣлались повсюду правителями. До сей минуты, всѣ князья, всѣхъ племенъ Кавказа, считаютъ себя прямыми потомками Арабовъ, и стараются сохранить въ чистотѣ кровь своихъ предковъ, избѣгая всякаго смѣшенія съ низшими кастами. Самый титулъ Шамъ-хала (Шамъ—Дамаскъ) Тарковскаго напоминаетъ о происхожденіи этого владѣтельнаго дома. Второе вліяніе было, безъ сомнѣнія, *прибытіе крестоносцевъ*. Толпы несчастныхъ, разсѣянныя при Никеѣ, могли пробраться въ горы Арменіи, и углубляясь все далѣе и далѣе, дойти до Кавказскаго Хребта.

Послѣ взятія Антіохіи и побѣды надъ Сельджуками (1098), голодъ заставлялъ толпы крестоносцевъ отдѣлиться отъ главной христіанской арміи и искать себѣ пропитанія въ отдаленныхъ странахъ; между этими крестоносцами должны были находиться и рыцари. Вспомнимъ, что изъ 600,000-й арміи только сорокъ тысячъ вошли съ Годфридомъ Бульонскимъ въ Іерусалимъ.

Наконецъ, третье, постороннее вліяніе было *прибытіе монгольскихъ ордъ*, которыя, впрочемъ, только уничтожали все на пути, и заставляли жителей равнинъ бѣжать въ горы и непроходимыя ущелья главнаго хребта. Но какъ увидимъ изъ чеченскихъ сказаній, на жизнь этого народа имѣлъ еще вліяніе калмыцкій ханъ (вѣроятно Аюка, бывшій здѣсь въ началѣ 18-го вѣка); онъ оставилъ по себѣ живое воспоминаніе у Кумыковъ и Чеченцевъ.

Посмотримъ теперь, какъ разсказываютъ сами Чеченцы о своемъ происхожденіи. Я слышалъ давно, что въ горахъ жилъ нѣкто старикъ

(*) Изъ чеченскаго аполога.

(**) Изученіе оружія дѣло не послѣдней важности на Кавказѣ. Оружейники неизмѣнно дѣлаютъ его по образцу, указанному предками.

Зауръ, славившійся знаніемъ чеченскихъ преданій. Съ позволенія командующаго войсками на Кумыкской Плоскости, Генералъ-Маіора Барона Николаи, я вызвалъ его къ себѣ въ Укрѣпленіе Куринское (черезъ наиба мирныхъ горцевъ, Штабсъ-Капитана Бату, который служилъ мнѣ также переводчикомъ), и я передаю здѣсь его безъискуственный разсказъ, предупреждая впрочемъ, что я ожидалъ гораздо болѣе отъ прославленнаго старожила и разсказчика. Кое-гдѣ только можно уловить связь между преданіемъ и извѣстными историческими фактами; притомъ мнѣ кажется, что разсказы Заура едва-ли восходятъ за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ настоящаго времени.

Родоначальникомъ своимъ Чеченцы считаютъ какого-то *Молкха* или *Малкху*, который жилъ въ *Мэестэ*, на высотахъ горныхъ хребтовъ. Изъ смысла разсказа Заурова можно заключить, что Молкха былъ скорѣе вождемъ, чѣмъ родоначальникомъ, и что преданіе забыло древнѣйшія событія; ибо Зауръ, упоминая о праотцѣ, называетъ племена (роды, семьи), которыя жили въ тѣсной дружбѣ съ Чеченцами (*), и говоритъ, что самый Молкхъ былъ изъ фамиліи Цуѳри. Сосѣдями, друзьями и, вѣроятно, ближайшими родственниками Чеченцевъ были племена Алкууны, Цвури, Цуѳри и др. Гдѣ было первое поселеніе Мэестэ—опредѣлить изъ разсказа Заурова трудно. Но, какъ кажется, можно догадываться, что оно находилось въ верьховьяхъ Аргуна, на сѣверномъ скатѣ главнаго хребта.

Изъ Мэестэ Чеченцы переселились въ Нашихэ, гдѣ теперь, по словамъ Заура, находится аулъ Керстенъ-Акхъ или Кіоло. Здѣсь, какъ кажется, умножавшееся народонаселеніе стало разъединяться, потому что преданія отдѣляютъ судьбу нынѣшнихъ Ичкеринцевъ и жителей котловины Большой Чечни отъ поселенцевъ на притокахъ Сунжи (въ Малой Чечнѣ), Карабулаковъ и Ауховцевъ. Два послѣднія племена говорятъ нарѣчіемъ чеченскаго языка.

«Во время заселенія Нашихэ, впервые появилось оружіе и начались», говоритъ Зауръ, «междоусобія. Въ то время люди стали строить себѣ крѣпкія башни, изъ которыхъ мужчины рѣдко выходили, боясь быть убитыми. Однѣ женщины, которыхъ, по обычаю, никто не смѣлъ тронуть, ходили свободно и потому занимались всѣми хозяйственными работами и даже земледѣліемъ». Вотъ причина, прибавилъ Штабсъ-Капитанъ Бата, по которой мы доселѣ заставляемъ женщинъ работать въ полѣ.

«Оружіемъ древнихъ Чеченцевъ были луки и стрѣлы, вошедшіе въ

(*) Не надобно забывать, что племя, которое я называю *Чеченцами*, получило гораздо позже это названіе; я постараюсь впослѣдствіи объяснить происхожденіе этого слова.

употребленіе послѣ Молкха, при богатырѣ *Кургухъ*, который также указалъ людямъ мѣру, обозначенную распростертыми руками (косая сажень). Эта мѣра доселѣ называется *кургала-аршинъ*».

Достовѣрно, что предки Чеченцевъ были христіане. Аулъ Кіоло или *Керстень-Акхъ*, названный такъ потому, что въ немъ даже теперь живутъ христіане, былъ центромъ разселенія всѣхъ чеченскихъ племенъ. Звукъ *Акхъ* встрѣчается въ имени *Акхъ-Уховцевъ* и *Карабулъ-акховъ*, которыхъ Чеченцы признаютъ братьями по происхожденію. Но есть доказательство еще сильнѣйшее: честный Зауръ говорилъ мнѣ: «Не скрою отъ тебя, что я знаю навѣрное, что седьмой отецъ мой (предокъ въ седьмомъ поколѣніи) ѣлъ свинину. Я не помню крестовъ, но слыхалъ, что мы исповѣдывали какую-то другую вѣру, но какую именно—не знаю.»

Разселеніе изъ Нашихэ есть героическое время Чеченцевъ.

«Тогда царствовалъ сынъ Молкха, Тинавинъ-вису, по происхожденію, какъ сказано, Цуанторoевецъ. Въ его время жили богатыри *Таніэльдеръ*, *Тіермагалла*, *Гуно Каркалой*, *Гардазенрикъ*, *Ширдіи Канатъ* и др. У Ширдіи Каната Тинавинъ-вису отнялъ силою жену, что̀ имѣло весьма важныя послѣдствія для всего племени. Тинавинъ-вису былъ красавецъ, и всѣ женщины были отъ него безъ ума. (Здѣсь слѣдуетъ вставочный разсказъ, который хорошо характеризируетъ нравы того времени). «Однажды богатырь Гуно Каркалой спросилъ у жены своей: можетъ-ли онъ быть увѣренъ, что она никого не любитъ, кромѣ его (*)?—«Я тебя очень люблю», отвѣчала она, «но признаюсь, что мнѣ хотѣлось бы хоть разъ обнять и поцѣловать Тинавинъ-вису». Каркалой разсердился, и, осѣдлавъ коня, поѣхалъ къ башнѣ, гдѣ жилъ Тинавинъ-вису, чтобы вызвать его на бой. Подъѣхавъ къ башнѣ, онъ сталъ вызывать соперника, но не получилъ отвѣта, потому что Тинавинъ-вису спалъ, а жена его, догадавшись, что Гуно Каркалой пріѣхалъ не съ добрыми намѣреніями, не разбудила мужа. Тогда Каркалой, по принятому обычаю, вынулъ изъ стѣны башни три камня, и сложилъ ихъ передъ нею въ кучу, чѣмъ наносилъ страшное оскорбленіе своему врагу. Проснувшись, Тинавинъ-вису увидѣлъ эти камни, и, въ порывѣ гнѣва, вскочивъ на неосѣдланнаго коня, полетѣлъ къ жилищу Каркалоя. Но здѣсь жена послѣдняго выскочила къ нему на встрѣчу, и, бросившись между врагами, съумѣла остановить кровопролитіе и уговорить богатырей оставить мщеніе. Умоляя Тинавинъ-вису, она выбрала однако удобную минуту, и поцѣловала красавца. «Такъ всегда», прибавилъ Зауръ, «женщина съумѣетъ сдѣлать все, чего ей захочется.»

Изъ этого разсказа, мнѣ кажется, можно замѣтить, что женщина, въ

(*) Замѣтимъ, что въ преданіяхъ не видно слѣдовъ многоженства.

прежнія времена, имѣла между горцами гораздо большій кругъ дѣйствія и большее вліяніе, чѣмъ мы привыкли видѣть въ странахъ мусульманскихъ; мнѣ кажется даже, что положеніе ея между предками Чеченцевъ было выше положенія женщины племенъ семитическихъ, т. е. Іудеевъ, Арабовъ, Сирійцевъ, Армянъ и др. Самая свобода женщинъ, во время междоусобій, и неприкосновенность ихъ для злѣйшаго врага, не свидѣтельствуютъ-ли объ уваженіи, которымъ онѣ пользовались наравнѣ съ женщинами Тацитовской Германіи (*)? Доселѣ сохранился между Чеченцами обычай, свидѣтельствующій о высокомъ значеніи женщины въ прежнія времена. Убійца, преслѣдуемый мстителями, если успѣетъ вбѣжать въ саклю и припасть губами къ сосцамъ женщины, дѣлается въ ту же минуту членомъ этого дома, и женщина, которой онъ съ той минуты считается сыномъ, закрываетъ его собою. Онъ спасенъ, даже въ томъ случаѣ, если бы совершилъ убійство надъ членомъ семьи той сакли, которая послужила ему убѣжищемъ, и убилъ родственника той женщины, къ груди которой онъ прикоснулся. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ обыкновенно даетъ выкупъ за кровь, мщеніе прекращается, и спасенный такимъ образомъ считается молочнымъ братомъ этой семьи.

Дальнѣйшій разсказъ Заура имѣетъ какъ будто историческую достовѣрность. «Калмыцкій ханъ кочевалъ тогда съ своими ордами на правомъ берегу Терека, въ нынѣшнемъ Кумыкскомъ Владѣніи. Услышалъ онъ, что у Тинавинъ-вису есть красавица жена, которую отнялъ онъ у Ширдіи Каната, и пріѣхалъ къ Тинавину въ гости, чтобы посмотрѣть ее. Она такъ понравилась хану, что тотъ выпросилъ ее себѣ, пригласивъ между тѣмъ Тинавинъ-вису побывать въ его станѣ. Вскорѣ Тинавинъ-вису исполнилъ желаніе хана и въ первый разъ увидѣлъ ровное мѣсто, большую рѣку и богатыя, привольныя пастбища.—«Послушай ханъ», сказалъ онъ, «слышалъ я, что у тебя много земли, подари мнѣ эти прекрасныя мѣста; увидѣвъ ихъ, я не могу болѣе жить въ своей трущобѣ». Ханъ согласился и подарилъ ему и его племени всю плоскость отъ Качкалыковскаго Хребта до Терека.» На этомъ разсказѣ основываютъ Чеченцы права свои на земли въ Кумыкскомъ Владѣніи.

Но, какъ кажется, или приведенный разсказъ позднѣйшая выдумка, или Тинавинъ-вису не успѣлъ до своей смерти занять мѣста, подаренныя ему Калмыками, потому что преданіе разсказываетъ еще, что, выйдя изъ Нашихэ (Кіоло, Керстенъ-Акхъ) съ тремя семействами, Тинавинъ-вису поселился въ Терехъ-Аллахѣ (Ичкерія, верховья Аксая). Вышедшія съ нимъ семьи были: *Харачоевцы*, съ родоначальникомъ Уези;

(*) См. Tacite «Moeurs des Germains» Libr. VIII; Ситены, племя Свевовъ, управлялось даже женщиной. Libr. XLV.

Цуэнтаринцы, съ родоначальникомъ Мэтти, и *Гордалоевцы*, съ родоначальникомъ Елюіо. У Мэтти Цуентары были двѣ дочери: одна вышла замужъ за Гордалоя, а другая за Харачоя.

Тинавинъ-вису умеръ, а послѣ его смерти, два охотника, преслѣдуя дичь, вышли на плоскость, достигли до Терека, и возвращались вдоль по Качкалыковскому Хребту. Здѣсь они открыли горячіе ключи (Исти-су) и рѣшились при нихъ поселиться (*). Потомки Молкха занимали гористое и лѣсистое ущелье Аксая, и, вѣроятно, чувствовали необходимость въ просторѣ, въ слѣдствіе умножившагося народонаселенія.

Къ этому же времени относится разсказъ о какомъ-то русскомъ выходцѣ, который появился въ этихъ мѣстахъ и ранилъ изъ ружья Мэтти. Я не могъ открыть, къ этому-ли времени относится введеніе огнестрѣльнаго оружія, но думаю, что оно до тѣхъ поръ было неизвѣстно Чеченцамъ, потому что Мэтти подарилъ человѣку, который его вылечилъ, мѣсто подъ аулъ Шихой, на правой сторонѣ Аксая. Это мѣсто, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ Боотенъ-юрта, постоянно находилось въ рукахъ потомковъ того же врача и составляло ихъ неотъемлемую собственность. «Недавно», говоритъ Зауръ (**), «умеръ послѣдній представитель этого рода, самъ врачъ по наслѣдству и владѣтель этой земли. Я хорошо зналъ его: врача звали Бештау.»

Когда на Исти-су открылась чума, Харачоевцы и Гордалоевцы начали занимать поляны Большой Чечни и селиться частію на Мечикѣ, частію на сѣверныхъ скатахъ Качкалыковскаго Хребта. Они основали Ойсунгуръ, Гордали и другіе аулы. Цуентаринцы же, какъ видно, остались на своихъ мѣстахъ въ Ичкеріи.

Въ этихъ разсказахъ весьма трудно разъяснить: въ какихъ отношеніяхъ были къ Чеченцамъ Кумыки. По сознанію самихъ Чеченцевъ, они платили кумыкскимъ князьямъ дань или ясакъ; «но», говорятъ они, «мы призвали ихъ изъ Шамхальскаго Владѣнія и отдали имъ землю по правую сторону Аксая, съ тѣмъ, чтобы они были у насъ судьями, и служили переводчиками при сношеніяхъ съ Русскими, жившими на Терекѣ. Мы платили имъ ясакъ, какъ даемъ и теперь плату нашимъ муллamъ и кадіямъ.»

Понятно, какъ мало вѣроятія имѣетъ этотъ разсказъ, выдуманный народною гордостью, а главное, имѣющій въ виду нѣкоторые поземель-

(*) Разсказъ объ открытіи горячихъ ключей совершенно подобенъ сказанію объ аахенскомъ горячемъ ключѣ, открытомъ Карломъ Великимъ.— Охотники Чеценцы видятъ хромаго тура (дикій баранъ), который входитъ въ источникъ и излечивается; тогда одинъ изъ нихъ опускаетъ въ источникъ ушибенную руку и чувствуетъ себя здоровымъ.

(**) Онъ былъ у меня 4-го Апрѣля 1856 года.

ные споры мирныхъ Чеченцевъ съ Кумыками. Весьма вѣроятно, что Чеченцы платили дань Кумыкамъ въ слѣдствіе завоеванія, или поселились на землѣ сына Шамхала Тарковскаго подъ условленными обязательствами. Для поясненія этого, надобно обратиться къ преданіямъ Кумыковъ о появленіи ихъ на плоскости. Эти преданія тѣмъ любопытнѣе, что объясняютъ нѣсколько, какъ мнѣ кажется, сношенія Тинавинъ-вису съ калмыцкимъ ханомъ (*).

У Шамхала Тарковскаго (Шамъ—Дамаскъ) было нѣсколько женъ, какъ и онъ, княгинь чистой арабской крови, отъ которой, какъ уже сказано, происходятъ всѣ владѣтельныя фамиліи кавказскихъ племенъ. Только одна изъ женъ шамхала была Кабардинка, и рожденный отъ нея сынъ не пользовался любовью отца. Шамхалъ даже выгналъ его, назвавъ его Чанкою (происшедшій отъ неровнаго брака князя съ узденькой или холопкой), и объявилъ, что сынъ этотъ не имѣетъ никакихъ правъ на наслѣдство. Выгнанный отцомъ сынъ шамхала удалился къ Чиръ-юрту (на Сулакѣ), и долго жилъ тамъ въ одиночествѣ. Однажды зашелъ къ нему старикъ-путникъ, и просилъ позволенія переночевать. Принявъ гостя, сынъ шамхала угостилъ его, а послѣ трапезы, въ разговорѣ, разсказалъ ему о своемъ несчастіи. «Твой отецъ солгалъ», сказалъ старикъ, «твоя мать княгиня чистой арабской крови. Наши кабардинскія княжескія фамиліи такъ знамениты, что московскій царь (Іоаннъ IV Грозный) взялъ себѣ жену изъ семейства Темрюка (Марья Темрюковна (**). Пойдемъ со мной въ Кабарду; твои родственники заступятся за тебя.»

Въ Кабардѣ сынъ шамхала собралъ до трехъ сотъ удальцевъ, и пошелъ въ Тарковское Владѣніе, которое, во времена Іоанна Васильевича Грознаго, заключало въ себѣ весь нынѣшній Дагестанъ, Кумыкскую Плоскость и граничило съ Кабардой. Но гдѣ была граница этихъ двухъ владѣній— преданіе положительно не указываетъ. Около Темиръ-ханъ-шуры захватилъ сынъ шамхала отца своего въ плѣнъ, и заставилъ его признать свои права на наслѣдство, получивъ въ ленное владѣніе всю землю отъ Койсу (Сулака), вдоль по горнымъ хребтамъ до р. Терека. Получивъ эту землю, сынъ шамхала началъ вызывать поселенцевъ. Къ нему собрались бѣглые, разбойники и различные выходцы, которые сначала были очень малочисленны, но вскорѣ къ нимъ присоединилась

(*) Слѣдующій разсказъ переданъ мнѣ знатокомъ и любителемъ преданій, Павломъ Ивановичемъ Головинскимъ, котораго сборникъ сказаній большей части кавказскихъ племенъ можетъ принести неоцѣненную пользу для науки.

(**) П. И. Головинскій утверждаетъ, основываясь на достовѣрныхъ источникахъ, что Кабардинцы были христіане, не смотря на арабское происхожденіе ихъ князей.

цѣлая колонна Кабардинцевъ, подъ начальствомъ Баташа, и основала Баташъ-юртъ, существующій и понынѣ. Въ то же время явилась сюда шайка донскихъ выходцевъ, подъ начальствомъ какого-то Андрея, основавшаго Андрееву Деревню (Ендери) (*). Впрочемъ, такъ какъ мы достовѣрно не можемъ опредѣлить времени, къ которому относится описываемое событіе, что, быть можетъ, сынъ Шамхала Тарковскаго нашелъ уже въ ущельи Ахтоша Андрея съ его шайкою, который, какъ говоритъ преданіе гребенскихъ казаковъ, потомковъ этихъ удальцевъ, пошелъ на югъ на Кавказъ, въ то время, когда Ермакъ шелъ на сѣверъ для покоренія Сибири. Вѣроятно, что весь разсказъ о сынѣ шамхала относится къ послѣднимъ годамъ 16-го столѣтія, т. е. къ послѣднимъ годамъ царствованія Іоанна Грознаго или къ первымъ годамъ царствованія Ѳеодора Іоанновича (1584—1598).

Преданія сохранили память о движеніи Петра Великаго къ Дербенту. Конница его шла сухимъ путемъ сначала вдоль по Качкалыковскому Хребту, и потерпѣла уронъ на рѣкѣ Аксаѣ, отъ вооруженныхъ жителей, подъ начальствомъ *князя Уцмія;* потомъ бригадиръ Апраксинъ былъ разбитъ около нынѣшней Крѣпости Внезапной, и рейтары Петра Великаго сброшены съ кручи сильнымъ натискомъ горскихъ племенъ.— Доселѣ Кумыки показываютъ это мѣсто на обрывистыхъ берегахъ Ахташа (**).

Чтобы наказать горскія племена, Петръ Великій пригласилъ калмыцкаго хана вторгнуться за Терекъ съ своими ордами.—Рядъ кургановъ обозначаетъ путь полчищъ *Аюки*, а въ двухъ верстахъ отъ старой Внезапной Крѣпости показываютъ большой насыпной холмъ, гдѣ стояла ставка калмыцкаго хана. Внутри котловины Большой Чечни есть также на Мечикѣ укрѣпленіе калмыцкаго хана.

Не относится-ли къ тому же времени разсказъ Заура о подаркѣ земли Тинавинъ-вису калмыцкимъ ханомъ? Впрочемъ здѣсь можно сдѣлать два предположенія: или преданія Чеченцевъ не восходятъ ранѣе 150 лѣтъ и тогда ханъ *Аюка*, воюя съ Кумыками, и найдя въ Чеченцахъ союз-

(*) Andreeva ou Endery, sur la rive droite de Kaisou, dans le pays des Lesghi, говоритъ Клапротъ. И далѣе: «C'est sur l'emplacement de ses ruines, qu' etait probablement située Bala ou Balkh, capitale des Kidarites (Huns), qui fut prise par les Persans (460 ann. Dom.), dans de leur guerre contre les Kidarites.» Claproth «Tableaux hist. de l'Asie» —(Race Finnaire orientale.)— Ошибается-ли Клапротъ, или существовала другая Андреева Деревня, не знаю, но могу положительно сказать, что Ендери находится въ ущельи Ахташа, на ¼ градуса къ западу отъ Сулака.

(**) Рукописи, находящіяся въ частныхъ рукахъ, и авторитетъ П. И. Головинскаго дали мнѣ возможность сличить изустныя преданія съ письменными свидѣтельствами.

никовъ и помощниковъ, хотѣлъ вознаградить ихъ за это подаркомъ земли, отнятой у кумыкскихъ князей; или преданія ихъ о ханѣ кочевыхъ народовъ относятся къ 14-му столѣтію, когда колѣно Золотой Орды кочевало на Кумыкской Плоскости, до заселенія ее Шамхальцами. — Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, очень быть можетъ, что вліяніе Монголовъ-магометанъ было причиною появленія ислама между горскими племенами.—Арабское-магометанское вліяніе, какъ кажется, ограничивалось Дагестаномъ, или, быть можетъ, Христіанская Религія удержалась между низшими кастами или покоренными народами, управляемыми князьями-магометанами.—Впослѣдствіи толпы крестоносцевъ, появившись въ горахъ Кавказа, составили отдѣльное племя, принявшее исламъ гораздо позже, вслѣдствіе столкновенія съ арабскими князьями и Монголами.— Но принимая въ соображеніе разсказы Заура о предкахъ Чеченцевъ, которые были христіанами за семь поколѣній (т. е. за 150 лѣтъ, считая по 20 лѣтъ на поколѣніе), я думаю, что они сдѣлались магометанами вслѣдствіе вліянія Кумыковъ, которые, по удаленіи мыкалцикхъ ордъ Хана Аюки, отомстили Чеченцамъ, покорили ихъ, наложили на нихъ подать, и были причиною обращенія ихъ въ магометанство.—Вѣроятно Чеченцы въ это время, удаленные отъ всякаго сообщенія съ христіанскими народами, забыли уже религію своихъ предковъ, обратившуюся, быть можетъ, въ грубое суевѣріе и даже идолопоклонство.

Изъ всего мною сказаннаго можно, кажется, сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Что Чеченцы племя индо-европейское, гасе Blondе Клапрота, и что родство ихъ съ народами германскаго происхожденія не подлежитъ сомнѣнію. При нѣкоторой смѣлости, ихъ даже можно назвать потомками крестоносцевъ, ибо

2) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они были христіане: они сами признаютъ своими родоначальниками жителей христіанскаго аула Керстенъ-Акха; притомъ множество словъ латинскихъ и саксонскихъ, сохранившееся въ языкѣ, подтверждаетъ ихъ родство съ народами Западной Епропы.

3) Что Кумыки были древнѣйшими обитателями большой плоскости между Сулакомъ и Терекомъ, а Чеченцы поселились на земляхъ имъ принадлежащихъ въ видѣ арендаторовъ, или, быть можетъ,

4) Что Калмыцкій Ханъ Аюка, бывшій здѣсь съ полчищами въ началѣ 18-го вѣка, нашелъ въ Чеченцахъ союзниковъ, а по удаленіи его, Кумыки отомстили слабымъ Чеченцамъ, покоривъ ихъ и наложивъ подать.—Къ тому же времени относится и принятіе ими ислама, хотя не по вліянію Калмыковъ, которые до сихъ поръ буддисты.

Ко всему этому остается прибавить откуда взялось самое имя Чеченцевъ.

Для этого надобно обратиться къ весьма неполному разсказу Зура о населеніи Малой Чечни.

Изъ Нашихэ вышли нѣкоторыя семейства и поселились на большой плоскости, гдѣ находится Грозная; плоскость эта, вмѣстѣ съ Большой Чечней, имѣетъ видъ бассейна внутренняго моря. Нѣкто *Тулатапъ* основалъ въ Гуллярахъ (Кулары) первое поселеніе; отъ имени его доселѣ называется курганъ напротивъ Наура *Тулатапъ-борсъ*. Изъ Гулляри, Чеченцы разселились по всѣмъ притокамъ Сунжи. Между тѣмъ гумбетовскій выходецъ князь Турлоу Алханъ (*), которому Гумбетовцы до самаго возмущенія платили ясакъ, поселился на плоскости подлѣ Ханкаловъ, и основалъ аулъ Чеченъ-талу. Этотъ аулъ былъ извѣстенъ своими разбойничьими набѣгами за Терекъ, такъ что затеречные жители при пропажѣ скота или грабежѣ были увѣрены, что это сдѣлали жители Чечена—*Чеченцы*, и имя это перешло на все племя Молкха.

Но П. И. Головинскій даетъ другое объясненіе происхожденію этого имени: «Съ давнихъ поръ», говоритъ онъ, «Русскіе появились на Терекѣ, и находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ Монголами, знали языкъ ихъ, говорили на немъ, и привыкли къ его звукамъ.—Но когда, вслѣдствіе движенія изъ *Нашихэ*, прибыло на плоскость племя, говорившее особеннымъ нарѣчіемъ, съ прищелкиваніемъ и гортанными звуками, то Русскій, мѣткимъ словомъ своимъ, прозвалъ пришельца, говорившаго какъ птица, — чечетка. — Онъ «чеченитъ» (щебечетъ), говорили Русскіе про него,—отсюда названье *Чеченецъ*, и съ именемъ этимъ вскорѣ помирилось и свыклось племя, получившее это прозвище.»

I.

Экспедиція 1850 года.

Уерсинь гуадалака паагелъ лясна баху.

Чеченская пословица (**).

Приступая къ описанію наступательныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Большой Чечнѣ, мы должны обратить вниманіе читателей на Крѣпость Воздвиженскую, которая составляла точку опоры всѣхъ экспедицій, предпринятыхъ въ направленіи отъ Аргуна внутрь Чечни, и была главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ отрядовъ.

(*) Потомокъ этой фамиліи былъ воспитанникомъ Князя Александра Ивановича Барятинскаго.

(**) Буквально: «Болтаютъ, русская повозка зайца поймала» или: «настойчивость все преодолѣваетъ»—пословица, вошедшая въ употребленіе со времени рѣшительнаго наступленія нашихъ отрядовъ въ глубь непріятельской страны.

Воздвиженская Крѣпость построена при входѣ въ ущелье Аргуна, на лѣвой сторонѣ рѣки. При заложеніи, въ 1844 году, этой крѣпости, высокій непріятельскій берегъ Аргуна, покрытый лѣсомъ, доставлялъ горцамъ возможность постоянно и безнаказанно тревожить войска наши выстрѣлами изъ орудій. Переходъ въ бродъ черезъ быструю и глубокую рѣку, въ виду мѣткихъ стрѣлковъ, закрытыхъ мѣстными препятствіями, представлялъ также немаловажныя затрудненія. Они были устранены постройкой башни на высокой террасѣ праваго берега Аргуна (*), и устройствомъ постояннаго моста, прикрытаго небольшимъ тетъ-депономъ. Постройка башни и расчистка лѣса около нея были необходимымъ условіемъ, безъ котораго экспедиціи въ Большой Чечнѣ представляли неисчислимыя затрудненія. Постоянный мостъ въ Воздвиженской былъ залогомъ постояннаго и своевременнаго доставленія запасовъ и транспортировки больныхъ и раненыхъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ въ госпиталь.

16-го Января 1850 года, войска, собравшіяся въ Кр. Воздвиженской, благодаря мосту и мостовому прикрытію, безпрепятственно переправились на непріятельскую сторону и поднялись на высокій берегъ Аргуна, спускающійся къ ложу рѣки обрывистыми террасами. По верхней террасѣ шла цѣпь нашихъ стрѣлковъ; колонна съ обозомъ двигалась вдоль по рѣкѣ, подъ верхнимъ уступомъ берега. Верстахъ въ семи отъ Воздвиженской отрядъ остановился лагеремъ. Три баталіона Князя Чернышева и баталіонъ Кубанскаго Полковъ, съ шестью сотнями кавалеріи и шестью орудіями, помѣстились на верхнемъ уступѣ и составляли

(*) Башни, устроиваемыя отдѣльно отъ укрѣпленій на Кавказѣ, для удержанія за собою какого-нибудь пункта и для поданія сигналовъ, не сходны ни съ одной изъ башенъ, упоминаемыхъ въ фортификаціи. Предназначаемыя для немногочисленнаго гарнизона, онѣ имѣютъ отъ шести до восьми саженъ въ діаметрѣ, и дѣлятся на три этажа. Верхній имѣетъ шесть или восемь амбразуръ съ задвижными деревянными щитами; онъ вооруженъ орудіями, по преимуществу мѣдными, на полевыхъ лафетахъ. Этотъ этажъ выдается нѣсколько надъ остальными, и имѣетъ въ полу, кругомъ башни, бойницы (machicoulis), для пораженія непріятеля сверху. Второй этажъ предназначается для жительства гарнизона, имѣетъ печи и прямыя бойницы со стеклами на подвижныхъ рамахъ. Третій этажъ или погребъ находится подъ землею, снабженъ цистерной и назначенъ для храненія военныхъ и жизненныхъ запасовъ. Кругомъ башни идетъ ровъ съ гласисомъ, котораго гребень находится въ уровень съ бойницами средняго этажа. Эта башня, нѣсколько похожая на башню Дюфура, покрывается однако не кольцеобразнымъ сводомъ, въ которомъ она не имѣетъ надобности по малому своему діаметру, а простой желѣзной крышей, которая лежитъ на стропилахъ, утвержденныхъ на балкахъ, опирающихся на внутренній каменный столбъ и наружную стѣну.

авангардный лагерь. Остальные семь баталіоновъ стали надъ самымъ Аргуномъ, подъ прикрытіемъ авангарда.

Любопытно видѣть лагерь кавказскихъ солдатъ, раскинутый на глубокомъ снѣгу, при десяти-градусномъ морозѣ. Вмигъ расчищено мѣсто для палатокъ, костры зажжены, и весь отрядъ имѣетъ какой-то веселый, праздничный видъ, какъ нельзя болѣе гармонирующій съ характеромъ русскаго солдата. Пришельцамъ съ сѣвера морозъ по-сердцу, а всякому Славянину рискъ по-нутру. Ожиданіе боя наполняетъ сердце всякаго солдата какимъ-то безотчетно-радостнымъ чувствомъ. Увѣренность въ нравственномъ превосходствѣ надъ непріятелемъ слишкомъ сильна въ нашихъ войскахъ, чтобы дать мѣсто малѣйшему сомнѣнію въ успѣхѣ исхода боя, такъ что предстоящее дѣло есть скорѣе игра, въ которой, конечно, можно, при несчастіи, проиграть голову, оторванную шальнымъ ядромъ, но объ такихъ бездѣлицахъ русскій солдатъ не думаетъ, зная навѣрное, что «чему быть, того не миновать; двухъ смертей не бывать одной не миновать».

Лагерь Кавказцевъ обыковенно располагается кареемъ: фасы каре—лицомъ въ полѣ; баталіоны становятся въ полубаталіонныхъ колоннахъ, имѣя между полубаталіонами орудія. Въ срединѣ между войсками располагаются обозы, лошади, маркитанты, летучіе парки, и т. п. Лагерь никогда не окапывается, потому что не было примѣра, чтобы непріятель рѣшился когда-либо сдѣлать открытое на насъ нападеніе. Днемъ впереди лагеря располагаются пикеты, ночью высылается сильная цѣпь съ резервами, и залегаютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ секреты.

Позиція была занята нами, какъ я уже сказалъ, безъ боя. Всѣмъ отрядомъ командовалъ начальникъ лѣваго фланга и командиръ 20-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіоръ Нестеровъ, котораго въ этомъ же году въ первый разъ постигла ужасная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Не безъ глубокаго сожалѣнія вспомнятъ объ немъ тѣ, которые имѣли честь служить подъ его командой. Нестеровъ былъ привѣтливый, ласковый, но строгій и дѣльный начальникъ; его любили и уважали всѣ безъ исключенія. Онъ первый обратилъ вниманіе на Шалинскую Поляну, и ему первому досталась честь перваго и вѣрнаго шага въ Большую Чечню.

18-го Января, начальникъ отряда, съ колонною изъ 4-хъ баталіоновъ при шести орудіяхъ и кавалеріею, изъ 8-ми сотенъ казаковъ, выступилъ на рекогносцировку. Передъ нами простиралась обширная поляна; въ трехъ верстахъ отъ лагеря начинались кусты—передовая часть большаго лѣса. Здѣсь остановилась рекогносцирующая колонна, и Генералъ-Маіоръ Нестеровъ, по осмотрѣ мѣстности, опредѣлилъ пунктъ, на которомъ съ слѣдующаго дня должна была начаться рубка. Завѣса

лѣса, скрывавшая Шалинскую Поляну, имѣла здѣсь не болѣе двухъсотъ пятидесяти саженъ; далѣе, говорили лазутчики и люди знающіе эти мѣста, шли небольшіе перелѣски, въ которыхъ непріятель не могъ держаться.

Съ слѣдующаго же дня колонна, подъ командою Генералъ-Маіора Барона Миллера-Закомельскаго, занялась чисткою кустарника, впереди большаго лѣса. Непріятель показывался въ большихъ массахъ и велъ съ нами сильную перестрѣлку, но не могъ еще наносить большаго вреда, потому что маленькіе перелѣски не представляли хорошаго прикрытія для стрѣлковъ его. Только четыре орудія безпокоили нашу колонну. Многочисленное скопище горцевъ давало предчувствовать, что войска, которыя должны будутъ на другой день вдвинуться въ самую чащу большаго лѣса, не отойдутъ въ лагерь безъ потери.

Дѣйствительно, 20-е Января былъ день замѣчательный въ лѣтописяхъ кавказскихъ экспедицій. Пять нашихъ баталіоновъ при восьми орудіяхъ, и двѣ или три сотни кавалеріи выступили, въ два часа ночи, изъ лагеря. По глубокому снѣгу тихо подошли мы къ лѣсу, который предполагалось занять. Свѣтъ едва началъ показываться, когда боковыя цѣпи стали входить по узкимъ тропинкамъ въ чащу, чтобы выйти на первую поляну, между тѣмъ какъ авангардъ, слѣдуя по середней дороге нату же поляну, долженъ былъ дойти до поляны, немедленно развернуться и, соединившись съ цѣпями, образовать каре, котораго передній фасъ приказано усилить четырьмя орудіями.

Едва цѣпи вышли на поляну, какъ громкое «ура» возвѣстило, что бой начался; толпа горцевъ, засѣвшая съ правой стороны въ балкѣ, дала залпъ и съ *гикомъ* (*) бросилась на цѣпь, надѣясь смять ее. Дружный ударъ въ штыки былъ ей отвѣтомъ (**). На штыкахъ вынесли мы ошеломленныхъ горцевъ изъ балки, штыками перегнали ихъ за поляну, и занявъ предположенную позицію, вывезли немедленно впередъ орудія, оставивъ два батарейныхъ въ резервѣ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Началась рубка лѣсу; полторы тысячи рабочихъ съ топорами приступили къ рубкѣ деревьевъ, находившихся внутри нашего каре, между тѣмъ какъ окружающая срубаемый лѣсъ цѣпь вела сильную перестрѣлку съ непріятелемъ, засѣвшимъ за деревьями, въ балкахъ и за огромными срубленными чинарами. Вскорѣ непріятель подвезъ свои орудія и началось сильное артиллерійское дѣло. Одно изъ нашихъ орудій было подбито, много прислуги выбыло изъ строя; тогда оказалось какъ дѣльно было распоряженіе начальника колонны,

(*) Отъ звука *ги*, замѣняющаго у горцевъ ура.

(**) Баталіоны Полка Князя Чернышева.

Генералъ-Маіора Барона Вревскаго, оставившаго въ резервѣ два батарейныя орудія.

Орудія эти, съ свѣжими людьми, вывезенныя въ настоящую минуту, не только возстановили равновѣсіе, но съ разу дали намъ явный перевѣсъ надъ легкими орудіями непріятеля, и заставили его почти немедленно отвезти свои орудія, которыя съ этой минуты лишь изрѣдка давали знать о своемъ присутствіи.

Можетъ быть, читателю, незнакомому съ кавказскою войною, покажется страннымъ, что непріятельская артиллерія можетъ бороться противу нашей. Причина этого заключается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ я считаю не излишнимъ объяснить слѣдующее: горцы не берегутъ своихъ орудій, не жалѣютъ лафетовъ, заряжаютъ орудія двойнымъ зарядомъ и забиваютъ ядро съ пыжомъ; отъ этого снарядъ ихъ летитъ дальше и вѣрнѣе. Но, кромѣ этого, ихъ артиллерія никогда не выѣзжаетъ на чистое мѣсто, но всегда становится подъ прикрытіемъ холма, кустарника, или на краю балки, въ которую орудіе при откатѣ скатывается. Стрѣляя медленнѣе чѣмъ мы, они стрѣляютъ необыкновенно вѣрно, потому что нашему артиллеристу труднѣе уловить моментъ, въ который дымъ выстрѣла обозначаетъ положеніе непріятельскаго орудія, между тѣмъ какъ наша большая колонна, рѣзко обозначенная густыми клубами дыма, подымающимися отъ костровъ, представляетъ вѣрную цѣль ихъ выстрѣламъ. Вотъ почему, не смотря на превосходство нашей матеріяльной части, непріятельскія орудія иногда могутъ наносить значительный вредъ нашей колоннѣ. Нельзя также не отдать справедливости мѣткому глазу горцевъ, которые, упражняясь съ малолѣтства въ цѣльной стрѣльбѣ, превосходятъ любаго солдата вѣрностью взгляда. — Единственное средство удалить непріятельскія орудія отъ колонны, это атаки, производимыя большими массами кавалеріи. Горцы чрезвычайно берегутъ свои орудія, и каждая смѣлая атака заставляетъ ихъ трепетать за свою артиллерію, которую они становятъ тогда на огромныхъ отъ противника разстояніяхъ. Но, въ 1850 году, кавалерія наша, по своей малочисленности, не могла дѣйствовать самостоятельно, а только употреблялась для разъѣздовъ аванпостной службы. Впрочемъ мы увидимъ ниже, какъ, въ дѣлѣ 23-го Января того же года, одна смѣлая атака двухъ сотенъ казаковъ заставила непріятеля поспѣшно убраться съ своею артиллеріей.

Работа, предположенная на 20-е Января, была кончена; завѣсу лѣса мы прорубили—надобно было подумать объ отступленіи. Искусство отступать въ виду непріятеля, который съ такимъ умѣньемъ пользуется этимъ труднымъ обстоятельствомъ для производства атаки и останав-

ливаетъ отступленіе на каждомъ шагу, есть первое достоинство кавказскаго начальника. Здѣсь нужны соображеніе, глазъ, хладнокровіе и опытныя войска, которыя бы понимали мысль начальника, но вмѣстѣ съ тѣмъ сами умѣли пользоваться всѣми случайностями, облегчающими движеніе. Въ кавказской войнѣ необходимо, чтобы каждый частный начальникъ, начиная съ стрѣлковаго унтеръ-офицера, понималъ общее движеніе; тогда только отступленіе имѣетъ характеръ стройности и порядка, который ручается за успѣхъ; тогда только частный начальникъ, которому поручается выполненіе подробностей движенія, сознательно ведетъ свою часть туда, гдѣ указала ей мѣсто мысль главнаго начальника отряда или колонны,—и всѣ части, связанныя этою общею мыслью, представляютъ нераздѣльное цѣлое, котораго стройныя движенія не могутъ быть разстроены самыми ожесточенными нападеніями многочисленнаго непріятеля.

Въ кавказской лѣсной войнѣ принято нѣсколько родовъ отступленій, введенныхъ опытными кавказскими генералами; всѣ они примѣняются, смотря по обстоятельствамъ. Самый простой изъ всѣхъ родовъ отступленій—есть движеніе четвероугольникомъ изъ стрѣлковыхъ цѣпей, въ томъ порядкѣ, въ которомъ войска стояли въ лѣсу. Его можно употребить на ровныхъ мѣстахъ, гдѣ между кустами и перелѣсками образуются поляны, удобныя для движенія артиллеріи въ боевомъ порядкѣ и резервовъ въ сомкнутомъ строѣ. Въ этомъ случаѣ, орудія (рѣдко болѣе четырехъ) помѣщаются въ аріергардѣ, и при сильномъ напорѣ отступаютъ на отвозахъ или черезъ одно орудіе, чтобы имѣть всегда въ готовности артиллерійскій огонь, для отогнанія толпы горцевъ. По обѣ стороны орудій располагаются роты въ ротныхъ колоннахъ, имѣя передъ собою цѣпь. Всѣ остальныя затѣмъ войска образуютъ обширный каре изъ цѣпей съ резервами, въ ротныхъ колоннахъ, обращенныхъ лицомъ въ поле, т. е. въ четыре различныя стороны. Если съ колонною есть обозъ, онъ помѣщается въ серединѣ. Самыя важныя точки каре—это углы, гдѣ аріергардъ соединяется съ боковыми цѣпями; на нихъ-то должно быть обращено все вниманіе начальника. При движеніи большой колонны съ обозомъ, нельзя избѣжать остановокъ, происходящихъ отъ ломки повозокъ, отъ необходимости переправляться черезъ рѣчки или канавы, въ одну повозку и одно орудіе, наконецъ просто оттого, что обозъ растягивается. Въ этихъ случаяхъ, между авангардомъ, который часто не знаетъ ничего о случившемся въ колоннѣ, и потому двигается впередъ, и аріергардомъ, который остановился, разстояніе увеличивается, и боковая цѣпь, принужденная растягиваться и дополнять промежутки, образовавшіеся отъ удлиненія ея людьми изъ резерва, становится слабѣе. Но нигдѣ это ослабленіе такъ не ощутительно,

какъ въ заднихъ углахъ цѣпи. Принужденные останавливаться на мѣстности, часто весьма невыгодной, они подвергаются сосредоточенному огню непріятеля, который зорко сторожитъ эти моменты, и при малѣйшемъ колебаніи бросается на углы, какъ на слабѣйшія части всей колонны. Изъ долговременнаго опыта, мы нашли средство отстранять частью эту опасность прибавленіемъ къ цѣпи малыхъ резервовъ, составляющихъ непосредственную точку опоры цѣпи. По уставу, ротная колонна есть единственный резервъ цѣпи, и въ правильной войнѣ, она вполнѣ достигаетъ своего назначенія; но въ кавказской лѣсной войнѣ, гдѣ резервъ часто отдѣленъ отъ цѣпи чащею, балкою, густымъ лѣсомъ, переви-тымъ виноградникомъ, и гдѣ непріятель производитъ свои атаки неожиданно, въ небольшихъ массахъ, пользуясь прогалиной или оврагомъ, тамъ необходимо, чтобы при цѣпи были маленькіе отряды войскъ, находящіеся въ сомкнутомъ строѣ, и готовые встрѣтить ударомъ въ штыки натискъ горцевъ. Для этого третій взводъ прежней ротной колонны (заднюю шеренгу, по новому уставу) дѣлятъ на три части: одна изъ нихъ разсыпается, двѣ другія въ сомкнутомъ строѣ поддерживаютъ ея фланги; въ случаѣ необходимости, онѣ же разсыпаются, чтобы перемѣнить уставшую цѣпь, которая тогда собирается въ резервъ. Люди изъ этихъ маленькихъ резервовъ подбираютъ раненыхъ и несутъ, или, скорѣе, тащатъ ихъ въ колонну; они же доставляютъ цѣпи патроны, и встрѣчаютъ штыками непріятеля до прибытія ротной колонны, которую нельзя вести вмѣстѣ съ цѣпью, не подвергая ее напрасной и большой потерѣ. На углахъ цѣпи, эти маленькіе резервы приносятъ еще бо́льшую пользу. По подвижности своей, они поспѣваютъ на всѣ угрожаемые пункты, а въ случаѣ прорыва непріятеля сквозь цѣпь, достаточно удержать его на нѣсколько секундъ, чтобы дать время подоспѣть главному резерву, ротной колоннѣ, которая идетъ за срединою цѣпи и стремительно бросается сквозь чащу и орѣшникъ на помощь своимъ резервамъ.

Не смотря на эти предосторожности, углы цѣпи, пробираясь по густому орѣшнику, или спускаясь въ глубокую лѣсистую балку, подвергаются большой опасности. Вообще движеніе всего аріергарда, задерживаемаго на каждомъ шагу остановками обоза, упавшими отъ утомленія или убитыми подъ орудіями лошадьми, и наконецъ собственными потерями, въ виду ожесточеннаго непріятеля, который настойчиво преслѣдуетъ отступающую колонну, весьма затруднительно. Многіе опытные генералы старались придумать такой маневръ, который позволилъ бы солдату встрѣчать лицомъ непріятеля, продолжая отступленіе. Одинъ изъ весьма удачныхъ маневровъ былъ придуманъ Генералъ-Лейтенантомъ Лабинцевымъ, который исходилъ всѣ лѣса Кавказа съ прапор-

щичьяго чина. Онъ называется: отступленіе *залогами* или *перекатною цѣпью*.

Имѣя въ виду невыгодную для отступленія мѣстность, начальникъ колонны отправляетъ, подъ прикрытіемъ извѣстной части войскъ, орудія въ обозъ, чтобы они не мѣшали быстрому и стройному отступленію. Затѣмъ весь аріергардъ и часть боковыхъ цѣпей, примыкающихъ къ нему, еще на мѣстѣ дѣлится на залоги; т. е. нѣсколько частей (взводовъ или даже цѣлыхъ ротъ) ложатся въ нѣсколько линій въ шахматномъ порядкѣ. Отступленіе начинается залпомъ и ударомъ въ штыки первой линіи; горецъ никогда не выдерживаетъ нападенія и бѣжитъ; этою минутою пользуется первая линія заваловъ, чтобы отбѣжать за вторую, которая находится въ совершенной готовности встрѣтить непріятеля, и по командѣ своего начальника даетъ залпъ и бросается въ промежутки отступающей линіи, давая этимъ время первой линіи вновь устроиться для встрѣчи непріятеля (*). Маневръ этотъ незамѣнимъ въ кавказской лѣсной войнѣ, потому что онъ дѣйствуетъ нравственно на непріятеля, даетъ возможность встрѣчать его залпомъ въ упоръ, и наводитъ, во время отступленія, на другую часть, находящуюся въ полной готовности принять и встрѣтить наступающаго врага. Нельзя умолчать объ одномъ важномъ неудобствѣ этого маневра: это большое утомленіе людей; но на маломъ пространствѣ неудобство это не имѣетъ важныхъ послѣдствій, а на разстояніяхъ значительныхъ можно избѣжать его, устраивая не двѣ, а нѣсколько линій, обязанныхъ поддерживать одна другую. Впрочемъ отступленіе залогами возможно только съ войсками испытанной храбрости и опытности; отбѣгающій назадъ залогъ долженъ, въ минуту опасности, мгновенно и единодушно остановиться и встрѣтить непріятеля, по голосу своего офицера; хладнокровно выжидать наступающаго непріятеля, и встрѣчать его *только залпомъ и по командѣ*, иначе нравственное дѣйствіе неожиданности будетъ потеряно; наконецъ сохранить все присутствіе духа, чтобы не нанести второпяхъ вреда своимъ, находящимся впереди. Если мы замѣтимъ при этомъ, что правиломъ чести кавказскихъ войскъ положено не оставлять въ рукахъ непріятеля не только раненаго собрата, но даже трупа товарища, то читатель пойметъ, что отступленіе съ боемъ требуетъ большаго хладнокровія и распорядительности. Мы будемъ имѣть случай указать на дѣла, гдѣ подобныя отступленія производились съ блистательнымъ успѣхомъ.

20-го Января 1850 года, начальникъ колонны, Генералъ-Маіоръ Баронъ Вревскій, употребилъ еще новый родъ отступленія, основанный

(*) Этотъ маневръ можетъ быть произведенъ точно также двумя цѣпями, которыя послѣ залпа проходятъ одна сквозь другую.

на томъ, что расчищенная просѣка дозволяла употребить въ дѣло орудія. Онъ раздѣлилъ колонну на два эшелона, изъ которыхъ одинъ, стоящій, фланкировалъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ двигавшійся эшелонъ. Мы уже говорили, что горцы атакуютъ преимущественно отступающую часть, какъ самую удобную для нападенія; понятно, что отступленіе, придуманное Генералъ-Маіоромъ Барономъ Вревскимъ, превосходно выполнило свою цѣль и дало возможность выйти изъ лѣса съ наименьшею потерею людей. Стройно двигались эшелоны, отступая на пятьдесятъ шаговъ дистанціи; цѣпи, находившіяся въ обѣихъ опушкахъ просѣки, въ трудныхъ мѣстахъ употребляли залоги, дополняя такимъ образомъ одинъ способъ отступленія другимъ, пока не выдвинулись изъ лѣсу.

Извѣстно, что самая трудная минута выхода войскъ изъ лѣсу есть та, когда они не успѣли еще отступить отъ опушки на ружейный выстрѣлъ. Въ это именно время фланкированіе движущагося эшелона стоящимъ принесло несомнѣнную и огромную пользу. Противъ лѣваго эшелона, который первый долженъ былъ отступить отъ лѣсу, были сосредоточены большія массы непріятеля; но сильный картечный и ружейный огонь праваго эшелона, направленный въ опушку, нанесъ непріятелю сильный уронъ и остановилъ его ожесточенное преслѣдованіе. По выходѣ войскъ изъ лѣсу, бой въ этотъ день не кончился; сильныя своею многочисленностью толпы наѣздниковъ вели живую перестрѣлку съ цѣпями, и нѣсколько разъ порывались въ атаку, но были удержаны картечными выстрѣлами орудій, которыми подкрѣпили цѣпи. Два конныя орудія принесли здѣсь большую пользу. По быстротѣ своихъ движеній, они поспѣвали на всѣ угрожаемые пункты, снимались быстро съ передковъ, цѣпь мгновенно ложилась, и картечь осыпала наступающаго непріятеля.

Горцы весьма хорошо понимали важность Большой Чечни и рѣшились упорно отстаивать ее; они провожали насъ до лагеря и ядра ихъ ложились среди палатокъ. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли около 150 человѣкъ убитыми и ранеными.

Я подробно описалъ это дѣло, чтобы дать понятіе о движеніи и дѣйствіи въ лѣсу и о боѣ во время рубки онаго, и выбралъ именно это дѣло, какъ одно изъ образцовыхъ по стройному выполненію дѣльной мысли.

Послѣ дѣла 20-го Января, рубки продолжались каждый день, но съ меньшею потерею, потому что непріятель не имѣлъ уже выгодъ закрытой мѣстности, и войска наши, вдвигаясь въ лѣсъ для рубки, слѣдовали по просѣкѣ, которая дозволяла употребить въ дѣло орудія.

Изъ послѣдующихъ дѣлъ особенно замѣчательны происходившія 23-го

Января и 6-го Февраля. Первое изъ нихъ очень любопытно по кавалерійской атакѣ, о которой я упоминалъ. Генералъ-Маіоръ Баронъ Вревскій былъ начальникомъ колонны: замѣтивъ, что непріятель поставилъ въ балкѣ свое орудіе, онъ приказалъ бывшимъ при колоннѣ двумъ сотнямъ казаковъ посадить сзади себя на лошадей стрѣлковую команду Князя Чернышева Полка (*), и атаковать горцевъ, между тѣмъ какъ вся колонна должна была бѣгомъ идти за кавалеріей. Цѣль наступленія состояла въ томъ, чтобы овладѣть орудіемъ; стрѣлки должны были, подскакавъ къ балкѣ, соскочить съ лошадей и поддержать своимъ огнемъ кавалерію, до прибытія шедшей за ними бѣглымъ шагомъ колонны. Планъ этотъ исполненъ былъ хорошо, но непріятель слишкомъ чутко сторожилъ свои орудія и успѣлъ увезти ихъ. Впрочемъ попытка эта навела на него такой страхъ, что онъ началъ ставить свои орудія на огромныя разстоянія и дѣйствовать по колоннѣ только навѣсно, издали.

Дѣло 6-го Февраля, подъ командою Полковника (нынѣ Генералъ-Маіора) Майделя, замѣчательно тѣмъ, что непріятель, собравъ огромныя силы, думалъ разстроить нашу маленькую колонну, изъ 4-хъ баталіоновъ и 6 орудій, внезапностію атаки; но самъ потерпѣлъ пораженіе.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Въ головѣ колонны, вдвигнувшейся въ просѣку, шелъ одинъ баталіонъ и 4 орудія; остальныя войска занимали, по принятому порядку, прочіе фасы каре. Поперегъ вновь прорубленной просѣки шла довольно глубокая балка, и въ ней-то горцы приготовили намъ засаду. Около трехъ тысячъ пѣшихъ залегли здѣсь, готовясь встрѣтить колонну ружейнымъ залпомъ, между тѣмъ какъ извѣстный наѣздникъ Хаджи-Муратъ долженъ былъ атаковать насъ съ многочисленною конницей изъ правой опушки.

Начальникъ колонны, Полковникъ Майдель, подходя къ просѣкѣ, опытнымъ глазомъ Кавказца, привыкшаго осматривать съ напряженнымъ вниманіемъ всякій кустикъ, всякое мѣстное препятствіе, замѣтилъ присутствіе непріятеля въ балкѣ. Онъ самъ ѣхалъ впереди колонны, съ довольно многочисленной свитой изъ адъютантовъ, ординарцевъ, разсыльныхъ и Татарской Милиціи. Продолжая подаваться впередъ, онъ отдалъ приказаніе, чтобы четыре авангардныя орудія рысью выѣхали впередъ, и снявшись съ передковъ, приготовились обдать непріятеля картечью. Движеніе орудій было закрыто свитою Полковника Майделя; въ двухъ стахъ шагахъ отъ балки, онъ далъ знакъ очистить фронтъ батареи, и

(*) Стрѣлковая команда Князя Чернышева Полка (Кабардинскій) составлена при Князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ, который выписалъ для нея вооруженія превосходныя—двухъ-ствольныя ружья. — Она набирается изъ лучшихъ, храбрѣйшихъ и расторопнѣйшихъ солдатъ.

въ мигъ четыре орудія вспрыснули картечью горцевъ, не подозрѣвавшихъ, что они были открыты. Вслѣдъ за выстрѣломъ колонна пошла въ штыки и овладѣла балкою; въ эту минуту на правый нашъ флангъ бросилась масса кавалеріи, подъ начальствомъ Хаджи-Мурата, но и здѣсь картечь и батальный огонь остановили нападеніе. Скажемъ здѣсь кстати, что пѣхота на Кавказѣ рѣдко встрѣчаетъ атаки кавалеріи кареемъ или кучками; неправильность атаки, стойкость нашихъ войскъ, убѣжденныхъ въ своемъ превосходствѣ, нерѣшительность непріятеля—все это дѣлаетъ ненужнымъ встрѣчу непріятеля кареемъ. Цѣпь съ резервами отгоняетъ нестройныя толпы всадниковъ, которые такъ дорожатъ своею жизнію.

Овладѣвъ балкою, Полковникъ Майдель замѣтилъ съ правой стороны просѣки два высокихъ эполемента, мастерски сложенные изъ фашинника. Онъ рѣшился атаковать ихъ и разрушить въ виду непріятеля.

Просѣка была уже нами довольно расширена, чтобы не опасаться нападенія изъ другой опушки; поэтому онъ, перемѣнивъ фронтъ колонны лѣвымъ флангомъ впередъ и подойдя къ эполементамъ, началъ кидать въ нихъ гранаты. Дѣйствіе нашихъ орудій было чрезвычайно удачно: можно было замѣтить безпорядокъ въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Въ это мгновеніе Полковникъ Майдель устремилъ двѣ роты Князя Чернышева Полка въ атаку на одну батарею, и двѣ роты Навагинскаго Полка на другую. Мы овладѣли обѣими безъ потери; испуганный непріятель бѣжалъ, и наши, войдя въ отлично устроенныя горцами батареи, принялись разрушать и жечь ихъ.

Въ этотъ день нельзя было и думать о рубкѣ; притомъ снаряды истощились, и мы отошли къ лагерю, провожаемые орудійными выстрѣлами непріятеля. Сильная перестрѣлка завязалась при отступленіи въ лѣвой опушкѣ; непріятель засѣлъ въ лѣсу, но и здѣсь былъ выбитъ штыками Егерскаго Князя Воронцова Полка. При выходѣ изъ просѣки, Полковникъ Майдель сосредоточилъ огонь всѣхъ шести орудій противъ угла ближайшей опушки, зная, что непріятель еще разъ попытается броситься отсюда въ атаку. Предусмотрительность его оправдалась: массы горской кавалеріи ринулись на задній лѣвый уголъ нашей колонны, но встрѣченныя картечью и ружейнымъ огнемъ, обратились въ бѣгство и болѣе насъ не тревожили, такъ что мы дошли до лагеря безъ перестрѣлки.

15-го Февраля экспедиція кончилась; отрядъ снялся съ позиціи безъ потери и войска распущены по домамъ. Первый шагъ былъ сдѣланъ: просѣка прорублена, за нею открывались обширныя поляны: цѣль экспедиціи была вполнѣ достигнута. Замѣчательно, что мы прорубили просѣку именно на томъ мѣстѣ, гдѣ она существовала при Алексѣѣ Пет-

ровичѣ Ермоловѣ. Очень легко было отличить полосу молодаго лѣсу посреди вѣковыхъ деревьевъ. Только Ермоловская просѣка, прорубленная въ то время, когда горцы не имѣли еще орудій, была гораздо уже нашей. Нашу просѣку, имѣвшую, въ 1850 году, около 500 саженъ ширины, предполагалось расширить на два пушечные выстрѣла, и это расширеніе оставлено до слѣдующаго года.

Послѣ экспедиціи предписано было частнымъ начальникамъ сдѣлать нѣсколько набѣговъ внутрь страны хищниковъ. Всѣ эти движенія произведены были одновременно командующимъ войсками въ Укрѣпленіи Воздвиженскомъ, Генералъ-Маіоромъ Барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, Начальникомъ Владикавказскаго Округа, Генералъ-Маіоромъ Барономъ Вревскимъ, и командующимъ войсками на Кумыкской Плоскости, Полковникомъ Майделемъ. Мы не будемъ останавливаться на описаніи этихъ движеній, которыя были произведены не въ Большую Чечню. Скажемъ только, что всѣ эти набѣги были удачны.

Гораздо важнѣе была экспедиція, предпринятая въ томъ же году, подъ командою Генералъ-Маіора (нынѣ Генералъ-Лейтенанта) Козловскаго. Читатели, вѣроятно, не забыли, что Укрѣпленіе Куринское расположено на сѣверо-восточномъ скатѣ Качкалыковскаго Хребта. Во время его заложенія, Качкалыковскій Хребетъ былъ почти недоступенъ для нашихъ войскъ, и занятіе этого весьма важнаго пункта стоило намъ, въ 1842 году, большихъ пожертвованій, такъ что мы должны были ограничиться занятіемъ полугоры, покрытой густымъ, дремучимъ лѣсомъ. Со временемъ, когда настойчивость наша заставляла непріятеля перенести дальше свои аулы, была построена выше укрѣпленія сигнальная башня, которая нѣсколько отвращала неудобства, происходящія отъ того, что лѣсистыя высоты командовали укрѣпленіемъ. Но необходимо было, во всякомъ случаѣ, прорубить просѣку надъ укрѣпленіемъ, чтобы не дать непріятельскимъ партіямъ укрываться въ лѣсу, въ полувыстрѣлѣ отъ нашихъ верковъ, и расчистить впереди укрѣпленія позицію, гдѣ бы войска могли съ выгодою принять бой. Экспедиція Генералъ-Маіора Козловскаго началась въ концѣ Іюля; порядокъ, принятый для рубокъ, былъ тотъ же, какъ и въ зимней экспедиціи, т. е. колонны каждый день выходили изъ лагеря, расположеннаго возлѣ самаго укрѣпленія, и оцѣпивъ мѣсто рубки, высылали рабочихъ. Качкалыковскій Хребетъ перерѣзывается въ этомъ мѣстѣ вдоль глубокою балкою, и самая высшая точка хребта—она же и ближайшая къ Мечику—находится за этою балкою и называется, по нашему, вторымъ переваломъ. На этомъ-то второмъ перевалѣ обыкновенно располагалась наша артиллерія и вела ожесточенный бой съ артиллеріей непріятеля, устроившаго прочные эполементы для своихъ орудій по другую сторону Мечика, впереди боль-

шаго лѣса, покрывающаго противуположныя высоты (*). (Въ этомъ лѣсу прорублена самими Чеченцами узенькая просѣка, въ глубинѣ которой находится гапу (укрѣпленіе), которое ясно видно съ высоты Качкалыковскаго Хребта). Работа шла успѣшно, хотя не безъ потерь. Особенно чувствительна была потеря 9-го Августа, когда партія горцевъ, засѣвшая въ одной изъ меньшихъ балокъ, впадающихъ въ главную, сдѣлала нападеніе на цѣпь, которая вдвигалась въ лѣсъ, чтобы окружить мѣсто, назначенное для рубки. Залпъ изъ 300 ружей не могъ не нанести намъ урона, но мы немедленно же выбили непріятеля штыками изъ устья лѣсистаго оврага, который, какъ глубокая траншея, соединялъ ложе Мечика съ главною продольною балкою. Мы потеряли въ этотъ день около ста человѣкъ.

Не смотря на затруднительность работы подъ сильнымъ непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ, Генералъ-Лейтенантъ Козловскій выполнилъ съ успѣхомъ предначертанный планъ, очистилъ вершину Качкалыковскаго Хребта противъ Укрѣпленія Куринскаго, и, окончивъ эту необходимую работу, распустилъ войска. Одновременно съ экспедиціей Генералъ-Маіора Козловскаго надобно упомянуть также о движеніи Генералъ-Маіора Слѣщова, которое было въ связи съ военными дѣйствіями въ Большой Чечнѣ. Когда отрядъ нашъ отошелъ съ позиціи на Аргунѣ, послѣ зимней экспедиціи, Шамиль, чтобы воспрепятствовать намъ воспользоваться сдѣланною просѣкой, приказалъ поперегъ нея вырыть ровъ и сдѣлать брустверъ.

Эта работа была намъ извѣстна, но разрушеніе непріятельскаго укрѣпленія оставлено до зимней экспедиціи 1851 года. Между тѣмъ когда горцы, въ продолженіе лѣтней экспедиціи, стянули всѣ свои силы къ Куринскому, и на шалинской просѣкѣ оставался лишь слабый караулъ, Генералъ-Маіоръ Козловскій предписалъ Генералъ-Маіору Слѣщову овладѣть, если возможно, этими укрѣпленіями, чтобы поколебать въ горцахъ довѣріе къ ихъ недоступности. Это порученіе было выполнено, какъ можно было ожидать отъ Слѣщова, съ блистательнымъ успѣхомъ. Хотя, по удаленіи нашего отряда, горцы снова принялись за работу, усилили профиль рва и вала, но эти труды не повели ни къ чему. Въ 1851 году они не могли даже защищать своего укрѣпленія.

Осенью этого года, Кавказъ имѣлъ счастіе встрѣтить Августѣйшаго Гостя. Проѣздъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ-благополучно царствующаго Государя Императора, оставилъ неизгладимые слѣды въ сердцѣ каждаго изъ насъ. Первая мысль всякаго была: *«и объ насъ помнятъ и насъ любятъ»*,—а кто не

(*) Смотри выше о мечиковскомъ дефиле. Здѣсь же, 10-го Марта прошлаго года, происходилъ размѣнъ семейства Князя Чавчавадзе.

знаетъ, какъ русское сердце благодарно за любовь, а тѣмъ болѣе за любовь Царскую. Посѣщеніе Дорогаго Гостя много подняло духъ войскъ, наполнило сердца ихъ радостью и благородною гордостью, укрѣпило ихъ въ исполненіи труднаго долга, и подѣйствовало благотворно на нравственныя силы ихъ.

«Да будетъ на Немъ благословеніе Божіе за доставленное намъ счастіе», говорили мы отъ чистаго сердца.

1851 года.

Экспедиція 1851 года служитъ продолженіемъ описанной, и заканчиваетъ собою первый періодъ военныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ, періодъ труженическій, но имѣвшій рѣшительное вліяніе на послѣдующія блистательныя движенія Генералъ-Адъютанта Князя Барятинскаго и Генералъ-Лейтенанта Барона Врангеля.

5-го Января 1851 года, отрядъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Козловскаго, выступилъ изъ Крѣпости Воздвиженской и занялъ безъ бою позицію на Аргунѣ, нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ въ предшествовавшемъ году стоялъ отрядъ Генералъ-Лейтенанта Нестерова. Изъ лагеря можно было видѣть линію непріятельскихъ окоповъ, которые представляли дѣйствительное затрудненіе для фронтальной атаки, по высотѣ вала, глубинѣ рва и многочисленности защитниковъ. Тѣмъ не менѣе рѣшено было, 8-го Января, штурмовать окопы,ославъ однако предварительно, 7-го числа, колонну для рубки лѣвой стороны лѣса и осмотра мѣстности. Полковникъ Серебряковъ, не тревожимый непріятелемъ, который твердо надѣялся на силу своихъ укрѣпленій, обогнулъ лѣвую сторону густой чащи, въ которую упирались окопы, и вдвинулъ колонну въ кустарникъ для рубки. Но когда цѣпь наша дошла до опушки, то передъ колонной открылись поляны, по которымъ взоръ простирался до новой просѣки. Планъ овладѣнія непріятельскими укрѣпленіями, посредствомъ приступовъ, измѣнялся въ простое обходное движеніе, которое и было совершено 8-го Января. Многочисленныя толпы горцевъ съ удивленіемъ замѣтили войска наши въ тылу своихъ окоповъ, и бѣжали въ лѣсъ. Окопы были заняты безъ выстрѣла; по флангамъ ихъ вдвинуты въ лѣсъ баталіоны, а рабочіе назначены для прокопанія проѣздовъ въ валу. Думать объ уничтоженіи вала, на всемъ его протяженіи (около 600 саженъ), не было возможности, по причинѣ сильныхъ морозовъ. Гладкая ледяная поверхность наружной отлогости бруствера противустояла всѣмъ усиліямъ кирокъ и лопатъ; принуждены были прибѣгнуть къ взрывамъ, для разрыхленія этой сплошной оледенѣлой массы. Проѣзды были разработаны въ трехъ мѣстахъ: въ серединѣ и по флангамъ, гдѣ также занялись расчисткой лѣсу около редутовъ, флан-

кировавшихъ окопы. Къ вечеру войска возвратились въ лагерь, а на слѣдующіе дни начались постоянныя рубки, расширенія просѣки и разрушенія непріятельскихъ укрѣпленій. Изъ дѣлъ, здѣсь происходившихъ, болѣе сильны были дѣла 16-го и 23-го Января, но въ особенности замѣчательны кавалерійскія атаки 25-го и 28-го Февраля.

Надобно замѣтить, что изъ опыта прошлаго года убѣдились въ необходимости имѣть кавалерію въ болѣе значительныхъ массахъ, потому болѣе, что при большихъ, открытыхъ полянахъ, куда переносилось теперь наше оружіе, массы кавалеріи могли дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ того, сдѣлали еще улучшеніе въ составѣ отряда, увеличивъ число батарейныхъ орудій, которыя, по силѣ и дальности своихъ выстрѣловъ, могли держать непріятеля въ почтительномъ отдаленіи.

16-го Января Начальникъ пѣхоты отряда, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ (нынѣ Генералъ-Адъютантъ) Князь Барятинскій, съ колонною изъ пяти баталіоновъ, восьми орудій, пѣшихъ ракетныхъ командъ и всей кавалеріи (которой въ этомъ году было до 2,000 въ отрядѣ), двинулся на шавдонъ, который перерѣзываетъ Шалинскую Поляну верстахъ въ двухъ отъ окоповъ. Выдвинувъ впередъ, на самый шавдонъ, одинъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями и всю кавалерію, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Крюковскаго, онъ расположилъ остальныя войска съ лѣвой стороны просѣки, для рубки. Артиллерійское дѣло было сильное (я уже говорилъ о мѣткости горскихъ артиллеристовъ и обстоятельствахъ, способствующихъ дѣйствію ихъ орудій); но движеніе кавалеріи впередъ заставило непріятеля замолчать; съ этой минуты онъ стрѣлялъ только урывками, съ разныхъ сторонъ, и ядра его не дѣлали намъ много вреда.

Въ дѣлѣ 16-го Января замѣчательно дѣйствіе нашихъ ракетныхъ командъ, которыя нѣсколько разъ отгоняли массы непріятеля, показывавшагося въ лѣсу противъ пѣхоты. Основаніемъ мысли объ устройствѣ пѣшихъ ракетныхъ батарей на Кавказѣ, была необходимость замѣнить въ лѣсной войнѣ, въ особенности въ аріергардѣ, тяжелое орудіе, часто задрудняющее движеніе, другимъ способомъ метанія снарядовъ. Ракетная батарея, могущая вездѣ слѣдовать за пѣхотой, и производящая такое же, если не большее, нравственное вліяніе на непріятеля, была во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезна. На полянахъ, въ мелкомъ кустарникѣ или орѣшникѣ, неправильный, прихотливый полетъ ракетъ имѣетъ большое дѣйствіе на испуганнаго горца. Но, съ другой стороны, солдатъ, обремененный, кромѣ ружья, двумя ракетами, приходитъ скоро въ изнуреніе и часто старается выпустить какъ можно скорѣе этотъ, весьма дорого стоющій, снарядъ. Наконецъ, надобно

прибавить, что употребленіе ракетъ въ большомъ лѣсу опасно и даже невозможно, потому что онѣ, ударившись о дерево, возвращаются назадъ и наносятъ вредъ своимъ.

Въ 1851 году, Полковникъ Костыренко дѣятельно занимался формированіемъ ракетныхъ командъ, и довелъ людей до замѣчательной степени ловкости и смѣтливости. Онъ настаивалъ, чтобы пальба производилась съ ракетныхъ станковъ не иначе, какъ цѣлою батареею залпомъ, потому что дѣйствіе одной ракеты само по себѣ слабо и ничтожно. Онъ допускалъ дѣйствіе поодиночкѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ракеты приданы малому отряду пѣхоты, въ видѣ вспомогательнаго оружія и служатъ больше сигналомъ о поданіи помощи, чѣмъ дѣйствительнымъ средствомъ для нанесенія вреда противнику.

Возвращаясь къ рубкамъ, мы должны замѣтить, что при отступленіи колонны сквозь прорѣзы, сдѣланные въ непріятельскихъ окопахъ, обыкновенно бывала довольно значительная потеря. Горцы пользовались минутою, когда послѣднія войска проходили сквозь валъ, чтобы занять его и поражать своими выстрѣлами отступающую колонну,—а едва успѣвала колонна отойти отъ вала на полтора ружейныхъ выстрѣла, какъ въ фланговыхъ редутахъ появлялись непріятельскія орудія, которыя однако мгновенно исчезали въ лѣсу при движеніи въ атаку кавалеріи. Однажды употребили противъ горцевъ взрывъ.—Мы отступили отъ вала, заложивъ предварительно усиленный горнъ съ галваническими проводниками. Когда горцы бросились на валъ, горнъ взорвали, но, къ сожалѣнію, непріятельскаго орудія не было на этомъ мѣстѣ, а взятіе орудія составляетъ любимую мечту каждаго Кавказца.

23-го Января была сильная ружейная перестрѣлка въ лѣсу, на высотѣ вала. Здѣсь войсками начальствовалъ Полковчикъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Майдель.—Я упоминаю объ немъ, чтобы представить новый примѣръ отступленія отъ опушки лѣса, который употребляется на Кавказѣ съ большою пользою. Полковникъ Майдель сосредоточилъ, передъ началомъ отступленія, всѣ орудія колонны противъ опушки, отъ которой надобно было отступить. Движеніе цѣпи по лѣсу происходило медленно, по принятымъ правиламъ и съ сильною перестрѣлкою. Но достигнувъ опушки, цѣпь мгновенно свернулась, и отбѣжавъ отъ лѣса, очистила фронтъ батареи, которая въ эту минуту обдала картечью опушку, гдѣ начиналъ собираться непріятель. Это дѣйствіе было такъ искусно, что мы, не смотря на большія массы непріятеля, которыя преслѣдовали насъ по лѣсу, въ самый трудный моментъ обратнаго нашего движенія, потеряли только пять человѣкъ.—Въ продолженіе этой рубки, длившейся около восьми часовъ, непріятель сильно тревожилъ насъ своими орудійными выстрѣлами. Здѣсь надобно упомянуть объ одномъ

случаѣ, замѣчательномъ по его рѣдкости, а именно: фунтовое непріятельское ядро влетѣло въ дуло нашего полупудоваго единорога и было отослано назадъ непріятелю выстрѣломъ этого орудія.

Мы приближаемся къ концу этой экспедиціи, утомительной по однообразію военныхъ дѣйствій, но важной по ея результатамъ.—Остается упомянуть о кавалерійскихъ маневрахъ 25-го и 28-го Февраля.

25-го Февраля, Генералъ-Маіоръ Баронъ Вревскій, съ колонною изъ пяти баталіоновъ и всей кавалеріи при восьми орудіяхъ, былъ назначенъ для окончательной очистки просѣки и уничтоженія вала, который, по наступившему теплому времени, не представлялъ затрудненія для разработки. Оставивъ пѣхоту на рубкѣ, онъ со всей кавалеріею прошелъ къ шавдону, переправился черезъ него, и, направивъ часть кавалеріи въ атаку на толпу наѣздниковъ, показывавшихся въ кустахъ, съ другою сдѣлалъ обходное движеніе, которое дорого обошлось непріятелю. До тридцати тѣлъ осталось въ нашихъ рукахъ. Стычка 25-го Февраля повела за собою дѣла, происходившія 28-го Февраля. Горцы, потерпѣвъ пораженіе, рѣшили, въ совѣтѣ наибовъ, что это произошло отъ отсутствія пѣхоты въ сомкнутомъ строѣ; а потому рѣшились ввести новый порядокъ (низамъ) въ войскахъ своихъ и при первомъ удобномъ случаѣ выдвинуть кавалерію, поддерживая ее колонною пѣхоты, какъ дѣлаютъ Русскіе. Надобно сказать, что горцы никогда не показываются на чистомъ мѣстѣ въ сомкнутыхъ массахъ: они хорошіе стрѣлки, отлично умѣютъ пользоваться мѣстностью, и, дѣйствуя поодиночкѣ, съ удивительною ловкостью ускользаютъ изъ рукъ атакующаго; поэтому попытка ввести сомкнутый строй была грубою ошибкою Шамиля и его наибовъ.

28-го Февраля, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ (нынѣ Генералъ-Адъютантъ) Князь Барятинскій, оставивъ пѣхоту прорубать боковую просѣку на Мезенскую Поляну, поѣхалъ съ кавалеріею на рекогносцировку. Съ высоты кургановъ, на шавдонѣ, замѣтилъ онъ необычайное явленіе: массы пѣшихъ горцевъ выдвигались на большую Шалинскую Поляну, впереди Баса.—Это была вѣрная пожива; искуснымъ маневромъ приблизился онъ къ этой обреченной на жертву колоннѣ. Весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ умѣнья охватить кавалеріею эту массу, чтобы не дать ей разбѣжаться и ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Искусство начальника русскаго отряда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: по данному сигналу, наши драгуны и казаки врѣзались въ непріятельскую колонну, которая, въ паническомъ страхѣ, слабо защищалась. До четырехъ сотъ тѣлъ осталось въ нашихъ рукахъ; нѣсколько десятковъ плѣнныхъ были приведены въ лагерь. Это дѣло, закончивъ блистательно

экспедицію, дало предчувствовать роль, которую придется играть кавалеріи въ будущихъ дѣйствіяхъ на этихъ полянахъ.

Послѣ дѣла 28-го Февраля, была произведена общая, окончательная рекогносцировка, подъ командою начальника отряда, Генералъ-Лейтенанта Козловскаго. Во время рекогносцировки, кое-гдѣ показывались горцы, и въ маломъ числѣ, и мы почти безъ перестрѣлки обогнули огромный районъ рубки, прошли черезъ Мезенскую Поляну, переправились черезъ шавдонъ, перешли Басъ, текущій верстахъ въ трехъ паралельно шавдону, полюбовались этими восхительными мѣстами, и возвратились назадъ къ валу, гдѣ произведены были опыты надъ большими конгревовыми ракетами и примѣненіемъ ихъ къ разрушенію непріятельскихъ окоповъ (*). 1-го Марта мы перешли съ занимаемой позиціи прямо въ Крѣпость Грозную, не тревожимые непріятелемъ.

Первый періодъ военныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ заканчивается экспедиціею 1851 года.—Медленно, осторожно, но вѣрно, отнимали мы съ бою у непріятеля каждый шагъ земли, пока не достигли рубками большихъ полянъ, способствовавшихъ дѣйствію нашихъ войскъ. Общій характеръ этого періода—настойчивое преслѣдованіе главной мысли достигнуть доступа въ Чечню посредствомъ прорѣзовъ въ тѣхъ лѣсахъ, которые служатъ ей природными укрѣпленіями.—Непріятель, съ своей стороны, дѣйствовалъ рѣшительно, смѣло, не сознавая еще вполнѣ силы правильной, систематической войны, которая, не смотря ни на какія препятствія, ни на какія жертвы, достигаетъ своей цѣли, и въ основаніи которой лежитъ главное правило: *никогда и ни для чего не терять своихъ сообщеній съ исходными пунктами.*

Второй періодъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ заключаетъ въ себѣ экспедиціи 1852—1853 годовъ; мы увидимъ здѣсь, какъ рѣшительный и искусный начальникъ умѣлъ воспользоваться сдѣланными пріобрѣтеніями и измѣнилъ самый характеръ веденія войны, угадавъ, что пришло время рѣшительными вторженіями навести страхъ на непріятеля, который такъ долго жилъ покойно въ густыхъ лѣсахъ своихъ.

Этотъ начальникъ былъ Князь Барятинскій.

II.

Экспедиція 1852 года.

Послѣ экспедиціи 1850 и 1851 годовъ, просѣка, ведущая на Шалинскую Поляну, была отнынѣ неотъемлемой нашей собственностью, и сдѣлалась всегда открытою для насъ дорогою вглубь страны; горцы не смѣ-

(*) Конгревова ракета, брошенная на разстояніе 60 саженъ, взошла въ валъ до половины его толщины, и взрывомъ заряда обрызовала воронку, совершенно подобную воронкѣ уменьшеннаго горна.

ли уже оспоривать этого пути, купленнаго нашею кровію. Предстояло преодолѣніе новыхъ трудностей: экспедиція 1852 года была назначена около Воздвиженской, чтобы боковыми рубками соединить эту большую просѣку съ многочисленными полянами, простирающимися отъ нея къ югу.

Назначенный передъ началомъ экспедиціи начальникомъ лѣваго фланга, Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій принялъ начальство надъ отрядомъ, собраннымъ въ Кр. Воздвиженской.

5-го Января 1852 года выступили войска изъ укрѣпленія и, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, расположились на Аргунѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Воздвиженской.

Экспедиція началась мастерскимъ ударомъ. 5-го вечеромъ приказано было готовиться къ выступленію, къ утру войска были уже за р. Басомъ, а къ вечеру 6-го Января заняли непріятельскіе аулы Автуръ и Гельдигенъ. Это смѣлое движеніе, имѣвшее въ виду навести страхъ на непокорныя намъ племена, и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать дорогу къ этимъ ауламъ, давно не видавшимъ Русскихъ, было увѣнчано блестящимъ успѣхомъ. Проникнувъ до самыхъ Черныхъ Горъ, мы нигдѣ не встрѣтили упорнаго сопротивленія, вездѣ толпы горскихъ наѣздниковъ исчезали передъ нашимъ авангардомъ и ночь съ 6-го на 7-е число освѣтилась заревомъ костровъ русскаго бивуака, раскинувшагося на скатахъ Черныхъ Горъ.

7-го числа, послѣ рекогносцировки въ ущелье, ведущее къ Веденямъ), войска наши начали обратное движеніе. Въ ночь на 7-е многочисленныя толпы горцевъ, подъ начальствомъ самаго Шамиля, возвели на той дорогѣ, по которой слѣдовали войска, укрѣпленія, или, лучше сказать, завалы изъ толстыхъ брусьевъ и фашинника, чтобы задержать въ этомъ лѣсу нашу колонну, и, пользуясь выгодною мѣстностью, нанести ей чувствительный уронъ. Но главный начальникъ отряда нашего хорошо зналъ непріятеля, съ которымъ имѣлъ уже дѣло, и предугадывая его намѣренія, двинулся по совершенно другой дорогѣ, избѣжавъ этимъ искуснымъ маневромъ напрасной и большой потери. Поздно догадались горцы, что они обойдены, и хотя массы ихъ успѣли еще настичь аріергардъ нашей колонны, но мы, принявши бой на выгодной для себя мѣстности, дорого заставили непріятеля поплатиться за дерзость. Полкъ Князя Воронцова, подъ командою своего командира, Генералъ-Маіора Князя Воронцова, атаковалъ лѣсъ, въ который бѣжали горцы, укрываясь отъ преслѣдованія кавалеріи, и на штыкахъ вынесъ ихъ оттуда. Потеря непріятеля была огромна; войска наши возвратились вечеромъ въ лагерь, потерявъ въ два дни движенія только 20 человѣкъ убитыми и ранеными. Невозможно себѣ представить, какое нравственное вліяніе имѣло это движеніе на горцевъ. Захваченные врасплохъ

съ перваго дня экспедиціи, они дѣйствовали въ продолженіе всего времени рубки слабо и разъединенно, ожидая ежеминутно вторженія внутрь страны, гдѣ готовили ожесточенный отпоръ. Впрочемъ была еще причина, почему горцы не могли сосредоточить всѣхъ силъ своихъ противъ отряда Генералъ-Адъютанта Князя Барятинскаго. Въ то время, когда главный отрядъ еще стоялъ на рѣкѣ Аргунѣ, другой, меньшій, порученный Полковнику (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Бакланову, долженъ былъ вырубить снова заросшую просѣку противъ Укрѣпленія Куринскаго, и подаваясь далѣе, спуститься къ Мечику, очистить ложе его отъ кустарника, и приготовить такимъ образомъ дорогу для будущаго, въ то время еще никому неизвѣстнаго, движенія черезъ всю Чечню. Впрочемъ этотъ малый отрядъ не могъ быть въ постоянномъ сборѣ, иначе онъ былъ бы подавленъ многочисленнымъ скопищемъ горцевъ. Войска его (составлявшіе два баталіона и шесть сотенъ казаковъ) собирались въ Укрѣпленіе Куринское по временамъ, набѣгами, и послѣ двухъ или трехъ дней рубки, распускались, чтобы снова собраться черезъ недѣлю. Тѣмъ не менѣе непріятель долженъ былъ поневолѣ разъединить свои силы и постоянно имѣть въ виду отрядъ Полковника Бакланова, тѣмъ болѣе, что числительность этого отряда не была ему извѣстна.

Послѣ дѣла 6-го и 7-го Января, приступили къ рубкамъ по направленію мезенскихъ хуторовъ, къ югу отъ большой просѣки. Рубки эти не представили ничего замѣчательнаго въ военномъ отношеніи; ружейной перестрѣлки почти не было, только издали горцы посылали намъ свои ядра. Надобно замѣтить, что Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій старался немедленно воспользоваться сдѣланными пріобрѣтеніями. Такъ послѣ рубокъ, открывшихъ намъ мезенскія поляны, 10-го Января отряжена была колонна для разоренія мезенскихъ хуторовъ, находящихся на послѣднихъ скатахъ горъ на югѣ Чечни. Генералъ-Маіоръ Миллеръ-Закомельскій былъ назначенъ начальникомъ этой колонны. Приблизясь къ вѣковому лѣсу, покрывающему послѣдніе уступы горъ, онъ отрядилъ часть войскъ подъ командою Флигель-Адъютанта, Полковника (нынѣ Генералъ-Маіора), Барона Николаи для разоренія ауловъ. Баронъ Николаи съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, и преслѣдуемый при возвращеніи къ колоннѣ многочисленной партіей, успѣлъ съ непоколебимымъ мужествомъ отразить съ малою частію войскъ всѣ нападенія.

Между тѣмъ начальникъ отряда не удовольствовался движеніемъ внутрь Большой Чечни. Онъ рѣшился поразить непріятеля и въ Малой Чечнѣ, среди густыхъ лѣсовъ Рошни и Гихинки.

Въ ночь съ 16-го на 18-е Января колонны выступили изъ лагеря, переправились обратно черезъ Аргунъ, и двинулись къ Урусъ-Мартану.

правая—подъ командою самаго Князя Барятинскаго, лѣвая—подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Барона Вревскаго. Обѣ колонны застали непріятеля врасплохъ, обѣ разорили аулы, и къ вечеру 18-го возвратились къ Урусъ-Мартану, сдѣлавъ въ продолженіе сутокъ около 120 верстъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ убитъ начальникъ кавалеріи отряда, достойный и уважаемый Генералъ-Маіоръ Крюковскій. Послѣ этого набѣга, рубки продолжались до 24-го Января, когда получено было свѣдѣніе, что большая, вновь прибывшая партія Тавлинцевъ съ орудіемъ будетъ ночевать въ аулѣ Сати-юртъ. Рѣшено было захватить ее врасплохъ. Послѣ шести-часоваго движенія, войска тихо приблизились къ аулу, но, къ несчастію, лай сторожевыхъ собакъ открылъ непріятелю наше движеніе, и онъ бѣжалъ въ лѣсъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ.

Всѣ эти движенія не только дозволили намъ подробно изучить страну, на которую теперь было обращено особенное вниманіе, но и доставили еще ту выгоду, что держали непріятеля въ постоянномъ страхѣ и недоумѣніи—куда будутъ направлены послѣдующіе удары? . . . 1-го Февраля отрядъ снялся съ позиціи и потянулся внизъ по Аргуну, чрезъ обширныя поляны, гдѣ непріятель не отважился насъ удерживать. Миновавъ громадный Ханкальскій Холмъ, мы разбили лагерь на обоихъ берегахъ рѣки. Берега Аргуна здѣсь значительно понижаются, а самое ложе, разширяясь, дѣлаетъ рѣку мельче. Впереди насъ были густые перелѣски, за которыми открывались поляны до Джалки, куда были направлены теперь наши рубки. Начальникъ отряда, сознавая недостаточность одного доступа въ сердце Чечни, рѣшился прорубить вторую военную дорогу, почти паралельную первой. Большія поляны, простирающіяся далеко внутрь страны, дѣлали этотъ пунктъ весьма удобнымъ мѣстомъ для вторженія.

Джалка, горная рѣка съ крутыми берегами, но твердымъ каменистымъ дномъ, течетъ въ пяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ лагерь на Аргунѣ. Берега ея въ 1852 году были покрыты густымъ кустарникомъ, который тянулся съ правой стороны къ большому лѣсу, виднѣвшемуся въ отдаленіи. Надобно было очистить этотъ кустарникъ и разработать на самой рѣкѣ хорошія переправы. Это исполнено нѣсколькими колоннами; изъ нихъ одна, подъ командою Генералъ-Маіора Барона Миллера-Закомельскаго, имѣла весьма жаркое и удачное дѣло, въ которомъ смѣлая атака кавалеріи отбросила наступающаго непріятеля.

Берега Джалки были очищены отъ кустовъ, лѣсъ передъ лагеремъ скоро истребленъ на потребности отряда, когда Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій отдалъ приказаніе устроить обширный редутъ изъ фашиннику, на лѣвомъ берегу Аргуна, у самой подошвы Ханкальскаго

Кургана. Никто не зналъ назначенія этого редута, но все скоро объяснилось. Въ ночь съ 16-го на 17-е Февраля приказано было стянуть всѣ обозы внутрь редута, для защиты котораго были назначены два баталіона и два орудія; остальныя войска получили приказаніе выступать. Начальникъ отряда рѣшился, усиленною рекогносцировкою, проникнуть вглубь страны, дойти до Черныхъ Горъ, и выйти на Куринское Укрѣпленіе, прорѣзавъ въ своемъ пути всю Чечню, дабы однимъ ударомъ снять съ нея ту завѣсу тайны, которою она была доселѣ покрыта.

Въ часъ пополуночи выдвинулись войска наши изъ лагеря. Впереди шла кавалерія, за ней пѣхота въ двухъ колоннахъ. Въ авангардѣ слѣдовалъ Полкъ Князя Воронцова; честь идти въ аріергардѣ досталась Тенгинскому и Князя Чернышева Полкамъ.—До 10-ти часовъ утра непріятель ничего не подозрѣвалъ о нашемъ движеніи, хотя мы переправились уже черезъ Джалку и приближались къ хуторамъ, разсыпаннымъ въ лѣсу по близости большихъ ауловъ. Но раздался первый выстрѣлъ и закипѣлъ бой; авангардъ смѣло шелъ впередъ, вторгаясь въ непріятельскія селенія, овладѣвая переправами, пробираясь сквозь густой кустарникъ, выбивая штыками горцевъ изъ канавъ, рытвинъ, балокъ или заваловъ;—но вся тяжесть упорнаго боя легла на аріергардъ. До переправы черезъ Хулхулу перестрѣлка была ничтожна, но на этой рѣчкѣ, поросшей густымъ кустарникомъ, завязалась жестокая перестрѣлка. Вдоль по ложбинѣ Хулхулу непріятель поставилъ два орудія, наносившія большой вредъ нашимъ войскамъ, между тѣмъ какъ многочисленная партія горцевъ заняла берега рѣки, и мѣткіе стрѣлки ихъ били людей на выборъ. Самый трудный моментъ отступленія (*) былъ тотъ, когда Подполковникъ Молларъ, съ двумя баталіонами Тенгинскаго Полка, оставался еще на лѣвой сторонѣ рѣки, и долженъ былъ отступить отъ лѣсистаго берега, занятаго непріятельскими стрѣлками. На правой сторонѣ рѣки расположены были четыре орудія и Полкъ Князя Чернышева въ готовности поддержать и потомъ смѣнить Тенгинскій Полкъ. Здѣсь отступленіе залогами принесло несомнѣнную пользу. Выйдя на берегъ, и готовясь къ переходу черезъ мелководную рѣчку, Тенгинскій Полкъ свернулся въ стрѣлковые взводы; поэшелонно отбѣгали они, очищая мѣсто передъ орудіями, которыя въ это мгновеніе обдавали непріятеля картечью. Перейдя на правый берегъ, баталіоны Тенгинскаго Полка прошли сквозь Полкъ Князя Чернышева, который стоялъ въ полной го-

(*) Я удержалъ принятое на Кавказѣ названіе боя, въ которомъ непріятель нападаетъ сзади. Въ настоящемъ случаѣ мы въ сущности шли впередъ вглубь Чечни, но для аріергарда это было отступленіе, потому что онъ долженъ былъ употреблять маневры, принятые при отступленіи.

товности принять на себя прикрытіе дальнѣйшаго отступленія. Начальство надъ аріергардомъ принялъ Полковникъ Баронъ Николаи. Отступленіе Полка Князя Чернышева отъ этого мѣста обратило на себя вниманіе начальника отряда, по стройности движеній. Полкъ этотъ продолжалъ отступать залогами по густой чащѣ, гдѣ изрѣдка попадались полянки. Толпы горцевъ кидались на аріергардъ и на уголъ правой цѣпи, но встрѣчаемыя залпами и дружнымъ «ура», исчезали, чтобы вновь попытать счастія на другомъ мѣстѣ. Скоро открылись поляны, гдѣ утомленные уже боемъ люди могли снова развернуть цѣпи и продолжать отступленіе покойно, не тревожимые непріятелемъ. Только въ боковыхъ цѣпяхъ горѣла еще перестрѣлка и изрѣдка наши орудія посылали свои снаряды въ массы горцевъ, толпившихся около своей артиллеріи.

День клонился къ вечеру, когда авангардъ овладѣлъ Маіюртупомъ. Мы уже говорили, что Маіюртупъ, сильный аулъ, окруженный балками, считался горцами неприступнымъ. Защищенный со стороны Укрѣпленія Куринскаго густымъ орѣшникомъ и глубокимъ ложемъ Гудермеса, аулъ стоялъ какъ бы на полуостровѣ, образуемомъ двумя глубокими оврагами, спускающимися съ горъ и соединяющимися въ ущельѣ Гудермеса. Въ Маіюртупѣ провели мы ночь съ 17-го на 18-е Февраля и утомленные 18-ти-часовымъ движеніемъ и 10-ти-часовымъ боемъ, сладко заснули подъ гулъ орудій, при заревѣ пылающихъ кругомъ пожаровъ.

Между тѣмъ Князь Барятинскій думалъ о будущемъ днѣ. Преданный ему горецъ взялся доставить записку Полковнику Бакланову, по которой тотъ долженъ былъ, выйдя изъ Укрѣпленія Куринскаго, съ имѣющимися тамъ войсками, встрѣтить на дорогѣ двигавшійся отрядъ, которому на другой день слѣдовало пробираться черезъ густой орѣшникъ, простирающійся отъ Маіюртупа по направленію къ Мечику. Смѣлый и предпріимчивый Полковникъ Баклановъ передъ тѣмъ только-что распустилъ войска, не зная ничего о наступательномъ движеніи князя; тѣмъ не менѣе, получивъ записку, онъ выступилъ изъ Куринскаго съ тремя ротами и шестью сотнями казаковъ, ночью спустился къ Мечику, и подошелъ къ непріятельскому аулу Мазлагашь, находившемуся на лѣвомъ берегу Мечика, противъ того мѣста, гдѣ въ 1853 году прорублена была просѣка. Старшина этого аула, зная лично Полковника Бакланова, явился къ нему по вызову, сдѣланному посредствомъ одного изъ его родственниковъ, жившаго въ мирномъ аулѣ. Полковникъ Баклановъ потребовалъ пропуска черезъ аулъ, обѣщая, что при приближеніи Князя Барятинскаго, котораго костры были ясно видны на скатахъ Черныхъ Горъ, онъ будетъ просить пощады этому аулу. Старшина съ радостью согласился. Тогда наши войска тихо потянулись черезъ аулъ, который какъ будто вовсе не зналъ объ ихъ присутствіи и Полковникъ

Баклановъ, съ ничтожнымъ своимъ отрядомъ, очутился въ непріятельской землѣ, окруженный отовсюду враждебными скопищами, которыя, если бы знали о его присутствіи, подавили бы его неизбѣжно, до прибытія главнаго отряда.

На другой день, въ шесть часовъ утра, Князь Барятинскій выступилъ съ новымъ отрядомъ изъ Маюртупа. Въ аріергардѣ шелъ опять Полкъ Князя Черныщева и снова, перейдя Гудермесъ, долженъ былъ употребить отступленіе залогами, въ густомъ орѣшникѣ, гдѣ непріятель сильно тревожилъ колонну. Особенно сильно было нападеніе горцевъ на правую цѣпь, въ которой былъ Тенгинскій Полкъ; но храбрые Тенгинцы дружнымъ «ура» нѣсколько разъ далеко отбрасывали горцевъ, которые, попавъ нѣсколько разъ на приготовленныя засады, стали дѣйствовать слабѣе и нерѣшительнѣе. На половинѣ пути, на маленькой полянѣ, встрѣтили насъ войска Полковника Бакланова и, соединившись съ аріергардомъ главнаго отряда, отступили до большой Мечиковской Поляны, гдѣ Гансау сливается съ Мечикомъ.

Передъ нами, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, былъ Качкалыковскій Хребетъ, за нимъ лежало Укрѣпленіе Куринское, но бой далеко былъ не конченъ: намъ предстояло фланговымъ движеніемъ проходить узкое дефиле ложбины Мечика, чтобы подняться къ просѣкѣ (которую прорубалъ, въ 1850 году, Генералъ-Лейтенантъ Козловскій), и тогда уже, перевалившись черезъ хребетъ, достигнуть Куринскаго.

Переправа черезъ Гансау обошлась безъ боя; непріятель сосредоточилъ всѣ свои силы около маленькаго укрѣпленія, построеннаго въ вѣковомъ лѣсу, противъ мечиковской переправы. Укрѣпленіе это находится въ глубинѣ маленькой просѣки, прорубленной самими горцами въ большомъ чинаровомъ лѣсу. Отъ опушки этого лѣса до самой переправы идетъ крутой спускъ, образующій южную покатость Мечиковскаго Ущелья. За переправою начинается крутой подъемъ на Качкалыковскій Хребетъ.

Зная, что это единственный нашъ путь, горцы собрали здѣсь пять орудій, а многочисленныя толпы ихъ заняли опушку большаго лѣса, чтобы пропустить всю колонну мимо убійственнаго огня своего. Три баталіона Эриванскаго Карабинернаго, Князя Воронцова и Князя Черныщева Полковъ, съ шестью орудіями, и шесть сотенъ казаковъ были выдвинуты къ самому лѣсу, чтобы составить отдѣльную колонну, подъ начальствомъ Полковника Бакланова, назначенную удерживать непріятеля на опушкѣ, и прикрыть прохожденіе главной колонны.—Съ громкимъ «ура», заняли мы позицію, которую довелось намъ имѣть честь защищать, и вся колонна начала свое фланговое движеніе позади выдвинутыхъ впередъ баталіоновъ, которые вели ожесточенную перестрѣлку

съ непріятелемъ на самое близкое разстояніе. Между тѣмъ начальникъ отряда, для облегченія тяжести лежащаго на пѣхотѣ боя, приказалъ кавалеріи, поддержанной двумя тенгинскими баталіонами, атаковать лѣсъ со стороны Мечиковской Поляны, перпендикулярно къ нашей позиціи. Эта атака, по рѣдкому, чистому, хотя и большому лѣсу, имѣла самый блестящій успѣхъ, и много облегчила колоннѣ Полковника Бакланова защиту позиціи. Толпы непріятеля, оставивъ опушку, бѣжали къ Чапу, но въ эту минуту залпы нашей шести-орудійной батареи, направленные на этотъ пунктъ, привели ихъ въ страшное смятеніе. Потеря ихъ въ этомъ мѣстѣ, по словамъ лазутчиковъ, была огромна: два орудія изъ пяти были подбиты; лошади, люди, смѣшавшись въ нестройную массу, давили другъ друга и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тогда Князь Барятинскій отвелъ назадъ кавалерію и Тенгинскій Полкъ, и приказалъ имъ, пройдя сзади нашей колонны, подняться на Качкалыковскій Хребетъ и выставить батарею, подъ прикрытіемъ которой должны мы были отступить и переправиться черезъ Мечикъ, при чемъ черезъ головы нашихъ войскъ дѣйствовали наши орудія.

Среди глубокой наступившей темноты, Полковникъ Бакланов отправилъ впередъ орудія, потомъ приказалъ отступать побаталіонно. Отступившій баталіонъ долженъ былъ занять позицію сзади оставшихся на мѣстѣ баталіоновъ, которые въ свою очередь, отойдя назадъ, должны были прикрывать отступленіе перваго. Это былъ тотъ же маневръ залогами, только здѣсь вмѣсто взводовъ лежали цѣлые баталіоны. Мы переправились черезъ Мечикъ почти безъ потери; утомленные, упавшіе духомъ горцы преслѣдовали насъ слабо, боясь притомъ въ темнотѣ наткнуться на ружейный залпъ, и въ восемь часовъ вечера мы были уже на высотѣ хребта, а въ девять остановились бивуаками около Укрѣпленія Куринскаго.

Въ этомъ движеніи потеря наша убитыми и ранеными не превышала 150 человѣкъ. Если принять во вниманіе двухъ-суточный переходъ и бой, нападавшія на насъ большія массы непріятеля, число ихъ орудій, которыя они могли ставить на самыхъ выгодныхъ для себя позиціяхъ, прохожденіе наше черезъ лѣса, гдѣ горецъ имѣетъ такъ много преимуществъ, наконецъ наше фланговое движеніе по ущелью Мечика, то поистинѣ надобно удивляться такой ничтожности нашей потери. Причину столь малаго урона нельзя приписать случаю; ее надобно искать въ глубокомъ познаніи мѣстной войны и въ заботливой дѣятельности начальника, котораго мысль была вездѣ, все предугадывала, все предотвращала, слѣдила съ неутомимымъ вниманіемъ за движеніемъ каждой части и умѣла связать ихъ въ общее стройное цѣлое. Кромѣ пользы, которую доставило это движеніе, какъ усиленная рекогносцировка, оно нанесло рѣшительный ударъ вліянію Шамиля на Чеченцевъ; съ этой минуты и

понынѣ они не считаютъ уже Чечню своею; они очень хорошо понимаютъ, что только нѣкоторыя обстоятельства замедлили ея паденіе, но что не сегодня—завтра она должна будетъ смириться передъ русскимъ оружіемъ. Это было всего очевиднѣе изъ огромнаго количества переселенцевъ, которые начали являться въ наши предѣлы, прося о дозволеніи селиться на нашей землѣ, зная, что при движеніи Русскихъ въ Чечню съ хищными ея жителями будетъ поступлено какъ съ непріятелями.

Войска возвратились въ Грозную обходною дорогою, между, Умаханъюртовскимъ Хребтомъ и Терекомъ, и черезъ два дня снова выступили на Аргунъ для новой рубки.

Третья первоначальная позиція наша была еще ниже по теченію Аргуна, въ густомъ лѣсу. Войска, оставленныя въ редутѣ около Ханкальскаго Кургана, присоединились къ намъ вмѣстѣ съ обозами въ Грозной, и вмѣстѣ съ нами стали лагеремъ на обоихъ берегахъ Аргуна. Дѣла совершенно прекратились, горцы болѣе не показывались и послѣ сдѣланной нами просѣки и рекогносцировки къ Тепликичу, войска были распущены по домамъ.

Въ концѣ Марта того же года одновременно произведены были два движенія въ Большую Чечню, но съ разными цѣлями.

Одно изъ нихъ предпринято Полковникомъ Баклановымъ въ Мазлагашь, для вывода семействъ, объявившихъ себя покорными, но просившихъ помощи и содѣйствія нашихъ войскъ для перевозки своего имущества черезъ лѣсистый Качкалыковскій Хребетъ.—23-го Марта двинулись мы имъ на помощь, перешли хребетъ противъ горячихъ ключей (исти су), тамъ, гдѣ впослѣдствіи сдѣлана была просѣка, и въ десять часовъ утра явились въ тотъ самый аулъ, который пропустилъ отрядъ Полковника Бакланова во время движенія черезъ Чечню.

Сборы аула не могли не привлечь вниманія сосѣднихъ жителей, и мы подоспѣли во-время, чтобы спасти обитателей Мазлагаша отъ нападенія партіи, собранной наибомъ, чтобы воспрепятствовать ихъ переселенію. Вооруженною рукою вывели мы до ста семействъ съ ихъ пожитками, повозками и скотомъ, и упорно отстаивали ихъ при переходѣ черезъ лѣсистый хребетъ, покрытый въ то время густымъ туманомъ. Бой былъ жестокій, но мы имѣли честь вывести всѣхъ довѣрившихся намъ, защищая ихъ отъ нападенія озлобленныхъ ихъ единовѣрцевъ.

Между тѣмъ на югѣ Чечни Генералъ-Маіоръ Баронъ Миллеръ-Закомельскій, оставаясь временно командующимъ лѣвымъ флангомъ, предпринялъ также движеніе, цѣлію котораго было овладѣніе двумя орудіями, находившимися въ аулѣ Тальгика, наиба Большой Чечни. Выступивъ ночью, отрядъ быстро прошелъ сорокъ верстъ и къ разсвѣту захватилъ

врасплохъ аулъ, въ которомъ хранились орудія. Два орудія (одно полевое и одно горное) достались въ наши руки съ боя, и были привезены въ Укрѣпленіе Воздвиженское.

Князь Барятинскій не удовольствовался однако только проложеніемъ просѣкъ; еще въ Августѣ рѣшился онъ воспользоваться ими, для нанесенія чувствительнаго удара Чеченцамъ, уничтоживъ запасы хищниковъ.

Кромѣ того, онъ имѣлъ еще въ виду наказать горцевъ за движеніе по Малой Чечнѣ, предпринятое Шамилемъ, съ цѣлію возмутить нѣкоторыя преданныя намъ племена около Назрана. 10-го Августа большія массы нашей кавалеріи, собранныя въ Крѣпости Грозной, переправились черезъ Аргунъ, и вторгнулись въ Большую Чечню черезъ шалинскую просѣку. Огромныя поля поспѣвающаго хлѣба были совершенно уничтожены, потоптаны лошадьми и сожжены, между тѣмъ какъ пѣхота занимала всѣ пункты, которыми могъ воспользоваться непріятель для нанесенія вреда при отступленіи кавалеріи. Три дня стоялъ Князь Барятинскій въ Большой Чечнѣ и они будутъ памятны для горцевъ.

Между тѣмъ Полковнику Бакланову приказано было, съ своей стороны, предпринять движеніе на *Гордали*, аулъ, стоявшій на берегу Мечика. 11-го Августа десять ротъ пѣхоты и десять сотенъ кавалеріи перевалились черезъ Качкалыковскій Хребетъ, нѣсколько ниже старой просѣки 1850 года. Движеніе впередъ обошлось безъ потери; мы захватили непріятеля врасплохъ, взяли нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, нѣсколько сотенъ рогатаго скота; но обратное движеніе не обошлось безъ урона.

Непріятель занялъ при отступленіи лѣсъ, балки, овраги, кусты; стрѣлки взлѣзали на вершину чинаровъ, прятались въ разсѣлинахъ дубовъ, толпились за густой завѣсой дикаго виноградника, и съ убійственною мѣткостью поражали насъ отовсюду. Замѣтимъ, что въ кавказской войнѣ считается стыдомъ оставить не только раненаго, но даже трупъ въ рукахъ непріятеля. Если войска наши извѣстны единодушіемъ и стойкостью, то этому причиною существующій закалъ чести, заставляющій каждаго быть увѣреннымъ, что не только въ случаѣ раны онъ будетъ поднятъ и не брошенъ на жертву безчеловѣчнымъ, озлобленнымъ горцамъ, но что и самый трупъ его честно похоронятъ на русской землѣ, съ именемъ Христовымъ на устахъ товарищей. Кто знаетъ Россію и Русскаго, тотъ пойметъ, какъ важно вліяніе такого убѣжденія на Христолюбивыхъ солдатъ нашихъ.

Нерѣдко 11-го Августа бой завязывался надъ тѣломъ убитаго, и мы до тѣхъ поръ не продолжали отступленія, пока драгоцѣнное для насъ бремя не было отнято у непріятеля. Шагъ за шагомъ поднимались мы на вышину лѣсистаго хребта, при невыносимой жарѣ; лошади

подъ орудіемъ падали отъ утомленія; люди едва дышали отъ духоты и дыму перестрѣлки; но воодушевляемые своимъ полковымъ командиромъ Барономъ Николаи, который, какъ простой солдатъ, отступалъ съ послѣдней парой, мы съ честью вышли изъ этого боя, безпримѣрнаго по упорству и озлобленію обѣихъ сторонъ. Не смотря на ожесточенное преслѣдованіе непріятеля и значительную потерю, мы привели однако въ Куринское нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, взятыхъ нами въ аулѣ. Здѣсь надобно обратить вниманіе читателя на весьма любопытный фактъ, характеризующій какъ самаго Чеченца, такъ и истинно благородное и человѣколюбивое направленіе нашихъ дѣйствій въ этой странѣ. На другой же день послѣ жестокаго дѣла, предложено было плѣннымъ семьямъ поселиться на русской землѣ подъ покровительствомъ Русскихъ, и они съ благодарностью приняли это предложеніе, вызвали изъ горъ тѣхъ членовъ своей семьи, которые не попались въ наши руки, и были поселены частію (по желанію) около самаго Укрѣпленія Куринскаго, частію на горячихъ ключахъ Исти-су, вмѣстѣ съ семействами, выведенными 23-го Марта изъ Мазлагаша, а черезъ мѣсяцъ дрались съ ожесточеніемъ противъ горцевъ, которые пытались угнать ихъ скотъ. — Мы скажемъ ниже нѣсколько словъ о значеніи аула Исти-су, построеннаго на полуостровѣ, образованномъ двумя балками, спускающимися съ высоты Качкалыковскаго Хребта на плоскость, а теперь обратимъ вниманіе на самаго Чеченца, который, съ такою легкостью перемѣняетъ мѣсто жительства, и для котораго вчерашніе друзья становятся сегодня врагами. Причина этого заключается въ томъ, что Чеченцы никогда не составляли отдѣльнаго народа, соединеннаго подъ какою бы то ни было властію. Они жили семьями, которыя враждовали или роднились между собою, но никогда не были они связаны между собою общею пламенною любовію. Между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ ихъ преданій, у нихъ сохранилось воспоминаніе о тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ жили отцы ихъ, и потомки Харачоя, Гордалоя и Мэтти Цуэнтара съ радостью селятся на прежнихъ своихъ пепелищахъ, увѣренные, что, подъ покровительствомъ Русскихъ, земли эти сдѣлаются ихъ неотъемлемою собственностью. Къ этому надобно прибавить, что страшные налоги и наборы, тяготѣющіе надъ ними по распоряженіямъ Шамиля и его наибовъ, составляютъ рѣзкую противуположность съ кроткимъ и благодѣтельнымъ управленіемъ Русскихъ, которые не только охраняютъ жителей, берегутъ ихъ стада и запасы, но еще выдаютъ деньги для прокормленія ихъ семействъ (*). Притомъ Чеченцы, въ

(*) Аулъ Исти-су охраняется ротой, а жители Исти-су, Кадыръ-юрта и Куринскаго (передовые аулы), во вниманіе опасности, съ которою сопряжено земледѣліе, получаютъ провіантскіе деньги по числу душъ.

строгомъ смыслѣ не воинственное племя; они съ ожесточеніемъ отстаиваютъ свою собственность, съ яростію преслѣдуютъ вторгнувшагося въ ихъ предѣлы, но это не болѣе какъ храбрость отчаянія и Чеченецъ не только не ищетъ опасности, но не считаетъ стыдомъ избѣгнуть и уклониться отъ нея. Послѣ дѣла при Исти-су, близко знакомый мнѣ горецъ Кюльчи на вопросъ: много-ли у Чеченцевъ урону, отвѣчалъ: «Весь уронъ понесли Тавлинцы, потому что они, по врожденной своей глупости, полѣзли впередъ, а мы остались нарочно сзади; вѣдь мы знали, что Русскіе придутъ». Чеченецъ весьма склоненъ къ мирнымъ занятіямъ, въ особенности къ торговлѣ, которая, при врожденной его смѣтливости, обѣщаетъ всегда хорошіе барыши.—Деньги, вотъ главная пружина его дѣятельности. Занятіе, обѣщающее ему выгоды, заставитъ его всегда бросить оружіе, которое онъ считаетъ только средствомъ для защиты. Бѣдность и голодъ, царствующіе постоянно въ горахъ, заставляютъ иногда удальцовъ пробираться въ наши предѣлы для грабежа, но можно быть увѣреннымъ, что обезпеченіе собственности Чеченца повлечетъ за собою совершенную осѣдлость этого племени, въ будущности котораго нельзя отчаяваться, потому что рядомъ съ звѣрствомъ и коварствомъ, которыя есть порожденіе ислама, въ Чеченцѣ встрѣчаются черты рѣдкаго благородства и честности. Вліяніе Шамиля особенно пагубно въ горахъ, потому что вся система его управленія основана на огромныхъ наборахъ, налогахъ и взяткахъ его наибовъ, которые никогда не упускаютъ случая обвинить и казнить человѣка богатаго, чтобы овладѣть его имѣніемъ. Понятно, что при такомъ управленіи мирныя занятія и честный трудъ, обогащающіе медленно, но вѣрно, не могутъ имѣть мѣста. Общая безпечность, въ слѣдствіе общаго недовѣрія, порождаетъ голодъ; голодъ заставляетъ горца искать средствъ пропитать свое семейство и пріучаетъ его къ грабежу; но и отъ самой добычи долженъ онъ еще отдѣлить двѣ пятыхъ въ пользу Шамиля и мечетей. Послѣ этого не покажется удивительнымъ, что Чеченцы съ отчаяніемъ дерутся, когда у нихъ отнимаютъ въ набѣгахъ послѣдняго быка, которымъ онъ пашетъ, послѣднюю корову, молокомъ которой онъ кормитъ своихъ дѣтей. Но пусть только это несчастное, разоренное племя будетъ жить подъ защитою русскихъ крѣпостей и русскихъ законовъ, воинственный духъ его исчезнетъ, и оно обратитъ всю свою дѣятельность на земледѣліе и торговлю. Быть можетъ, даже необходимо будетъ наложить на нихъ подать, чтобы пріучить ихъ къ земледѣлію, потому что въ понятіяхъ всѣхъ кавказскихъ племенъ ясакъ, отдаваемый за землю, служитъ ручательствомъ, что земледѣльца не сгонятъ съ той земли, которую онъ обрабатываетъ. Но покуда это сбудется, аулъ Исти-су, гдѣ поселены были выходцы Мазлагаша и плѣнные, взятые

11-го Августа, долженъ былъ производить и производитъ благодѣтельное вліяніе на умы Чеченцевъ. Не смотря на строгій присмотръ наибовъ, сотни семействъ поодиначкѣ успѣвали пробираться изъ Чечни въ наши предѣлы, прося дозволенія поселиться въ аулѣ. Слухъ о благоденствіи, которымъ пользуются жители его, пріучилъ всѣхъ Чеченцевъ дожидаться съ нетерпѣніемъ въ Чечню Русскихъ. Конечно, нельзя надѣяться, чтобы при первомъ нашемъ движеніи внутрь страны мы не встрѣтили непріятеля, и фанатизмъ, недовѣріе, неизвѣстность нашихъ намѣреній, наконецъ врожденная мусульманину ненависть къ гяурамъ, заставятъ ихъ взяться за оружіе и скрыть свои семейства; но можно смѣло ручаться, что въ теченіе года со времени занятія Чечни, народонаселеніе ея удвоится, и при благонамѣренномъ, хотя и строгомъ управленіи, оно можетъ принести прямую и непосредственную пользу.

III.

Экспедиція 1853 года.

Настала зима, приближалось время экспедиціи; но одинъ изъ залоговъ успѣха есть тайна, а между тѣмъ недалеко отъ Крѣпости Грозной, на рубежѣ нашихъ владѣній, стоялъ непріятельскій маякъ, дававшій знать о выступленіи и движеніи нашихъ войскъ. Если читатели вспомнятъ объ Ханкальскомъ лѣсистомъ Курганѣ, то поймутъ цѣль движенія Князя Барятинскаго, уничтожившаго это гнѣздо разбойниковъ, которые являлись къ намъ съ покорностью, а между тѣмъ скрывали партіи хищниковъ, и постоянно давали знать, зажженными на верху горы кострами, о движеніи нашихъ войскъ въ предѣлы Чечни. Въ Декабрѣ 1852 года, Князь Барятинскій рѣшился уничтожить аулъ, расположенный на самомъ верху лѣсистой горы. Приказавъ окружить гору войсками, онъ послалъ три баталіона оцѣпить самый аулъ. Горцы сначала пробовали защищаться, но, видя невозможность сопротивленія, сдались военноплѣнными, съ женщинами, дѣтьми и имуществомъ, и были поселены въ мирныхъ аулахъ, по большей части около Крѣпости Грозной (*).

Въ то время, когда войска наши, при движеніи черезъ Чечню въ 1852 году, остановились на большой Мечиковской Полянѣ и приготовлялись съ боемъ проходить Мечиковское Дефиле, Князь Барятинскій, со вниманіемъ разсматривая Качкалыковскій Хребетъ, искалъ мѣста, гдѣ хребетъ представлялъ бы болѣе удобный пунктъ для движенія войскъ въ Чечню при пособіи просѣки. Это мѣсто было найдено прямо противъ аула Гордали. Южная покатость хребта представляла въ этомъ мѣстѣ чистый, отлогій спускъ, кое-гдѣ поросшій кустарникомъ;

(*) Около трехъ сотъ семействъ.

вершина его была покрыта вѣковыми чинарами; но мы убѣдились, 23-го Марта, что дороги, идущія черезъ хребетъ, довольно хороши и не представляютъ затрудненія для слѣдованія обоза и артиллеріи. Съ первыхъ чиселъ Января 1853 года, войска наши были собраны въ различныхъ пунктахъ, но Князь Барятинскій не двигался и выжидалъ.—Цѣлію этого выжиданія было преждевременное утомленіе непріятеля приготовленіями къ отпору. Партіи, собираемыя Шамилемъ, не могутъ помѣститься въ сакляхъ, а должны стоять бивуаками въ чистомъ полѣ, на снѣгу; сѣно, необходимое для прокормленія ихъ лошадей, и кукурузная мука для нихъ самихъ, берутся въ видѣ подати съ Чеченцевъ. Князь Барятинскій хотѣлъ, чтобы небольшіе запасы, какіе могли имѣть Чеченцы, истощились, терпѣніе ихъ утомилось, и наконецъ вѣчная вражда, существующая между Тавлинцами и Чеченцами, возобновилась съ новою силою, въ слѣдствіе усиленныхъ поборовъ—единственной системы продовольствія арміи Шамиля.

Къ концу Января послѣдовалъ сборъ войскъ въ Укрѣпленіи Куринскомъ. Весь отрядъ состоялъ изъ девяти баталіоновъ пѣхоты, двадцати пяти сотенъ казаковъ и дивизіона драгунъ.

Экспедиція началась рубками просѣки со стороны Кумыкской Плоскости. Для поясненія необходимости начать рубку съ нашей стороны, не переваливаясь черезъ хребетъ, скажемъ, что подъемъ на гору представляетъ длинную, узкую ложбину, поросшую лѣсомъ и кустарникомъ. Ложбина эта вдается далеко въ толщу хребта, и тогда только начинается подъемъ на высоту, поросшую большимъ чинаровымъ лѣсомъ, за которымъ открывается чистый спускъ и чистая поляна, пересѣкаемая Мечикомъ. Необходимо было сперва очистить всю эту ложбину, чтобы, приступивъ къ рубкѣ просѣки на вершинѣ, имѣть за собою вѣрный путь для подвоза припасовъ и снарядовъ. Первоначальныя рубки обошлись безъ большой потери: изрѣдка кое-гдѣ завязывалась перестрѣлка; горцы не защищали хребта, расчитывая на отпоръ, который они намъ готовили на берегу укрѣпленнаго ими Мечика: здѣсь отвѣсные берега этой рѣки имѣютъ отъ 10-ти до 12-ти саженъ высоты. — Въ началѣ Февраля, отрядъ выступилъ изъ Укрѣпленія Куринскаго и поднялся на хребетъ. Пройдя чинаровый лѣсъ, мы остановились лагеремъ на южномъ скатѣ Качкалыковскаго Хребта. Въ двухъ верстахъ отъ насъ, внизу на полянѣ, ясно былъ видѣнъ непріятельскій отрядъ, занимавшій укрѣпленные природою и горцами берега Мечика. Влѣво отъ занимаемыхъ нами высотъ (извѣстныхъ подъ именемъ Хабы-шавдонскихъ) проходила глубокая балка, родники которой доставляли воду для отряда.

Мы немедленно приступили къ рубкѣ чинароваго лѣса, находившагося сзади нашей позиціи. Рубка производилась безъ потери, но не-

пріятель постоянно безпокоилъ лагерь орудійными выстрѣлами. Сбить его орудія на этомъ разстояніи было невозможно: нѣтъ правила, которое давало бы возможность попадать на тысячу саженъ въ отверстіе узкой амбразуры,—надобно было занять Мечикъ, чтобы отогнать непріятеля отъ занимаемой нами позиціи. Штурмъ непріятельской позиціи на Мечикѣ былъ назначенъ на 18-е Февраля. Но Князь Барятинскій не хотѣлъ ввѣрить успѣхъ всего дѣла одной сомнительной случайности штурма. Въ ночь на 18-е, вся кавалерія, съ однимъ баталіономъ (Князя Воронцова Полка) и четырьмя конными орудіями, подъ командою Генералъ-Маіора Бакланова, отдѣлившись отъ отряда, спустилась на плоскость, и пройдя мимо Укрѣпленія Куринскаго, перевалилась черезъ хребетъ въ лѣсу, выше старой просѣки 1850 года. Смѣлое движеніе это имѣло цѣлію появиться внезапно во флангѣ непріятельской позиціи. Увидимъ ниже, какъ удалось оно.

18-го, въ 9 часовъ утра, приказано было Полковнику (нынѣ Генералъ-Маіору) Левину, со всѣми орудіями отряда и двумя баталіонами, спуститься къ Мечику и, въ продолженіе двухъ часовъ, обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія; по приближеніи же штурмовыхъ колоннъ, подъ начальствомъ Полконика Барона Николаи, идти къ самому берегу и обдавать непріятеля картечью, для облегченія перехода штурмовымъ колоннамъ черезъ рѣку. Въ эту минуту долженъ былъ, по расчету, появиться во флангѣ непріятельской позиціи Генералъ-Маіоръ Баклановъ.

Военное дѣло подвержено многимъ случайностямъ, и не всегда удаются расчеты; но вѣрное соображеніе начальника отряда, и превосходное исполненіе предначертаннаго маневра всѣми отдѣльными частями, превзошли здѣсь всѣ ожиданія. Въ минуту штурма, Генералъ-Маіоръ Баклановъ, появившись между Мечикомъ и Гансау, развернулъ кавалерію, между тѣмъ какъ наши молодцы егеря лѣзли на отвѣсныя стѣны Мечика, подсаживая другъ друга. При появленіи отряда Генералъ-Маіора Бакланова, непріятель обратился въ полное бѣгство. Наша кавалерія настигала его вездѣ, рубила безъ пощады или брала въ плѣнъ, между тѣмъ какъ пѣхота выдвигалась вдоль по Гансау къ разоренному аулу Аку-юртъ, для поддержанія, если нужно, кавалеріи. Мечикъ съ этого часа сдѣлался безспорно нашимъ. При сліяніи Гансау съ Мечикомъ, выстроенъ былъ немедленно редутъ, куда съ тѣхъ поръ начали посылать баталіонъ съ двумя орудіями, для удержанія здѣсь переправы. Но непріятель, измученный и упавшій духомъ, болѣе насъ не тревожилъ; общее мнѣніе горцевъ было, что Чечня пропала и защищать ее было бы теперь безразсудно. Новая Просѣка (какъ ее зовутъ и понынѣ) стала открытымъ окномъ внутрь Чечни; Мечикъ, усѣянный, полгода тому

назадъ, сплошною линіею хищническихъ ауловъ, обезлюдѣлъ, и тамъ, гдѣ могли ходить только отряды, появляются теперь двѣ роты, имѣя всегда вѣрный путь отступленія.

Война съ западными государствами, вспыхнувшая въ 1853 году, пріостановила ходъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ въ Чечнѣ; но и пріобрѣтенные результаты довольно важны, чтобы не остановить на нихъ вниманія.

До 1850 года Большая Чечня была невѣдомою землею, куда никто не рѣшался проникнуть; въ 1850 году прорублена первая просѣка, открывшая намъ внутренность страны; просѣка эта, расширенная и соединенная боковыми просѣками съ безчисленными полянами, уничтожила на югѣ Чечни поля чеченскія и, оттѣснивъ непріятеля къ Чернымъ Горамъ, удалила его отъ нашихъ предѣловъ и затруднила разбойничество— главный его промыслъ. Рубки на Аргунѣ и Джалкѣ, въ 1852 году, открыли западъ Чечни, а проложеніе двухъ просѣкъ на Качкалыковскомъ Хребтѣ лишило непріятеля возможности пользоваться богатою Мечиковскою Поляною, гдѣ аулы были такъ многочисленны, что вмигъ собирались большія партіи, которыя могли неожиданно нападать на мирные аулы Кумыкской Плоскости, или воровски пробираться малыми шайками за Терекъ. Въ это же время поселены аулы на передовой линіи, которые служатъ вѣрнымъ и близкимъ убѣжищемъ всѣмъ горцамъ, желающимъ переселиться въ наши предѣлы. Но будущность составленнаго изъ переселенцевъ аула Исти-су далеко еще не кончена. Это поселеніе, не представляющее въ настоящее время полной безопасности земледѣльцу-хозяину, тогда только пріобрѣтетъ настоящую важность, когда усиліями нашими Чечня перестанетъ волноваться и водворится миръ въ этой богатой странѣ.

Исти су лежитъ на пути изъ Чечни на Терекъ; онъ сдѣлается со временемъ складочнымъ мѣстомъ произведеній азіятской промышлености и сырыхъ матеріяловъ, доставляемыхъ изъ горъ, а также мѣстомъ сбыта русскихъ произведеній, идущихъ большимъ волжскимъ путемъ черезъ Астрахань на Кизляръ, а оттуда чрезъ постоянный мостъ, устроенный на Терекѣ въ Шелкозаводской Станицѣ.

Неистощимы богатства Чечни, стоитъ взглянуть на ея луга, пастбища и лѣса, чтобы оцѣнить ея будущность. Десятки тысячъ овецъ, безчисленные табуны лошадей, огромныя стада рогатаго скота могутъ найти обильную пищу на ея роскошныхъ полянахъ. Обработка марены и риса весьма удобна по легкости орошенія полей. Сотни мельницъ, построенныхъ на маленькихъ рѣчкахъ и канавахъ, весьма удобныхъ для удержанія плотинами, понадобятся Чечнѣ, когда хлѣбъ ея будетъ имѣть

сбытъ; фабрики устроятся какъ для выдѣлки на мѣстѣ превосходной шерсти здѣшнихъ овецъ, такъ и для приготовленія шелковыхъ тканей изъ нитей шелковичныхъ червей, здѣсь же воспитанныхъ. Тогда-то однимъ изъ удобнѣйшихъ пунктовъ для склада всѣхъ этихъ богатствъ эту мы основываемъ на томъ, что Большая Чечня, не смотря на обстоятельства, затруднявшія наши дѣйствія теперь, доступна для войскъ нашихъ во всякое время.

Для полноты описанія намъ остается разсказать зимніе походы въ Чечню Генералъ-Лейтенанта Барона Врангеля и Генералъ-Маіора Барона Николаи, съ 1854 на 1855 годъ и съ 1855 на 1856 годъ, которые служатъ блистательнымъ доказательствомъ истины сказаннаго нами.

Прежде однако чѣмъ приступать къ описанію этихъ походовъ, надобно обратить вниманіе читателей на тревожное, какъ бы лихорадочное состояніе горцевъ, при вѣсти о войнѣ Россіи съ Турціею и ея союзниками.

Не должно думать, чтобы Шамиль желалъ, какъ то многіе утверждали, соединенія съ Турками; онъ слишкомъ боялся утратить свою дикую независимость; но, увлеченный мыслію легкаго успѣха, онъ собралъ, въ 1854 году, большую партію горцевъ и двинулся съ ними на Лезгинскую Линію. Всѣ знаютъ вторженіе на Алазань и плѣнъ семейства Князя Чавчавадзе; намъ остается сказать, что дѣлали въ то время войска наши.

Съ цѣлію отвлечь Шамиля отъ Лезгинской Линіи, произведены были движенія и набѣги на различныхъ пунктахъ. Такъ, 13-го Іюля 1854 года, Полковникъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Баронъ Николаи разорилъ враждебный аулъ Сати-юртъ, лежащій между верховьями Ярансу и Ямансу, двухъ горныхъ рѣчекъ, текущихъ паралельно на Кумыкскую Плоскость; въ Августѣ того же года, Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель проходилъ по полямъ чеченскимъ, уничтожая запасы, заготовленные горцами для вторженія въ наши предѣлы. 23-го Сентября Баронъ Николаи разорилъ хищническій аулъ Карасу, построенный въ самыхъ верховьяхъ узкой Мечиковской Долины, въ дикой, прелестной котловинѣ. Между тѣмъ Шамиль возвратился изъ лезгинскаго похода, и ободренный минутнымъ успѣхомъ, рѣшился уничтожить ненавистный ему аулъ Исти-су. Двадцать тысячъ горцевъ явилось по его призыву, и 3-го Октября, вся эта масса направилась по Новой Просѣкѣ, и поддержанная выстрѣлами пяти орудій, спустилась по уступамъ горъ и окружила совсѣхъ сторонъ аулъ, пытаясь въ него ворваться. На двухъ противуположныхъ углахъ аула выстроены были редуты, изъ которыхъ каждый защищался взводомъ пѣхоты съ двумя орудіями. Читатели, безъ сомнѣнія, знаютъ геройскую защиту Командира 11-й роты Егерскаго Князя Чернышева Полка, Штабсъ-Капитана Петровскаго, и помощника его Пра-

порщика Санкевича. Горсть нашихъ, очутившаяся противу 20-ти-тысячной партіи, могла только разстрѣлять патроны и умереть, — такъ и рѣшился Петровскій. Но въ то самое время, когда Шамиль подходилъ къ Новой Просѣкѣ, командующій войсками въ Кумыкскомъ Владѣніи Полковникъ Баронъ Николаи, извѣщенный о движеніи, приближался съ шестью ротами къ Куринскому, имѣя позади въ резервѣ еще двѣ роты, которыя слѣдовали на часъ разстоянія. Кавалерія наша была на фуражировкѣ, когда раздались на Исти-су первые выстрѣлы. Пѣхота же, стоявшая въ полной готовности, бѣгомъ полетѣла на помощь атакованному аулу. Къ Исти-су ведутъ отъ Куринскаго двѣ дороги одна по полугорѣ, и называется верхней дорогой, другая спускается на плоскость, и идетъ подъ уступомъ, прикрытая на всемъ протяженіи колючимъ кустарникомъ. Когда войска двинулись по верхней дорогѣ, то ѣдущіе впереди милиціонеры замѣтили, что дорога эта занята огромнымъ непріятельскимъ отрядомъ, который готовился защищать проходъ и не допустить помощи къ аулу.

Во всякое другое время, мы, безъ сомнѣнія, атаковали бы горцевъ и опрокинули ихъ, не смотря на числительность, но, въ эту минуту, когда аулу угрожала опасность, надобно было прежде всего поспѣть вовремя и подать помощь. Мы немедленно свернули на нижнюю дорогу, и подъ уступомъ, не замѣченные непріятелемъ, подошли вплоть къ площадкѣ, которая выдается въ уровень съ ауломъ, но отдѣлена отъ него балкой. Внезапное появленіе наше привело непріятеля въ замѣшательство; онъ немедленно почелъ нужнымъ увезти въ лѣсъ свои орудія, а большія толпы горцевъ, атаковавшія восточную часть аула (откуда мы появились), начали отступать подъ нашими выстрѣлами. Площадка, на которую мы вышли, была окружена густымъ колючимъ кустарникомъ (извѣстнымъ подъ именемъ дерезы или колючки). Пѣхота, бѣжавшая шесть верстъ, растянулась, и на площадкѣ появилась въ первую минуту лишь малая горсть (до 30 человѣкъ), около выскочившихъ впередъ орудій. Быть можетъ, если бы не колючій кустарникъ, то горцы атаковали бы насъ и сбросили съ площадки, но въ кавказской войнѣ есть элементъ, не вошедшій ни въ одну тактику: это именно поля, покрытыя низенькимъ, густымъ кустарникомъ, со множествомъ твердыхъ, острыхъ иглъ, который дѣлаетъ невозможнымъ не только атаку кавалеріи, но и движеніе пѣхоты въ сомкнутомъ и даже разсыпномъ строѣ, а между тѣмъ эти поля кажутся издали совершенно ровными и открытыми, и дѣйствительно доставляютъ возможность артиллеріи мѣтко посылать свои выстрѣлы. Это обстоятельство много помогло намъ въ первую минуту боя, когда непріятель, поражаемый нашею артиллеріею, ничего не могъ сдѣлать ни батареѣ, ни прикрывавшей ее горсти смѣльчаковъ. Но съ правой стороны

у насъ были еще многочисленныя толпы горцевъ, изъ которыхъ часть ворвалась уже въ аулъ и грабила его. Баронъ Николаи, оставивъ тогда двѣ роты противъ праваго фланга горцевъ, съ остальными сдѣлалъ перемѣну фронта направо, перешелъ балку, и поднявшись на полуостровъ, на которомъ стоитъ Исти-су, ударилъ на нестройныя полчища, изумленныя нашимъ появленіемъ. Горцы не защищались: они побѣжали, какъ стадо барановъ, преслѣдуемые картечными выстрѣлами и штыками застрѣльщиковъ. При этомъ бѣгствѣ они понесли огромную потерю. Между тѣмъ пѣхота продолжала свое наступленіе, выбила непріятеля изъ канавы, гдѣ онъ пытался держаться, и очищая пространство около аула, обогнула его и соединилась съ двумя ротами, оставленными на лѣвомъ флангѣ. Въ этотъ моментъ дѣла позиція наша, которую мы заняли искуснымъ, хотя и смѣлымъ маневромъ, была слѣдующая: центръ боевой линіи, состоявшій изъ двухъ ротъ съ тремя орудіями, расположился впереди аула на полуостровѣ; три орудія очищали выстрѣлами обѣ балки, по которымъ непріятель бѣжалъ густыми массами; на лѣвомъ флангѣ, за восточной балкой, находились двѣ роты въ разсыпномъ строѣ; ихъ поддерживали выстрѣлами орудій центра и пальбою изъ редута; послѣднія могли обстрѣливать ихъ черезъ голову. На правомъ флангѣ, по дорогѣ къ Умаханъ-юрту, были выдвинуты также двѣ роты. Но занявъ позицію впереди аула, которая совершенно его обезпечивала, недостаточно было только оттѣснить непріятеля, надобно было еще нанести ему чувствительный уронъ. Это осталось на долю кавалеріи, которая во всю прыть прискакала съ фуражировки и подоспѣла во-время, чтобы довершить пораженіе горцевъ. Баронъ Николаи двинулъ ее теперь для рѣшительнаго удара. Оставивъ Полковника Неймана на позиціи, съ четырьмя ротами центра и лѣваго фланга, онъ, со всею кавалеріею и двумя ротами праваго фланга, при двухъ конныхъ орудіяхъ, перешелъ западную балку по дорогѣ къ Умаханъ-юрту, и ударилъ на массы непріятелей, которые толпились еще на этой дорогѣ съ двумя орудіями. Толпы эти разсѣялись, не выждавъ атаки. Баронъ Николаи, настойчиво ихъ преслѣдуя, гналъ около восьми верстъ, чѣмъ окончательно уничтожилъ и разсѣялъ эти нестройныя полчища. Наступалъ уже вечеръ, когда послѣдній ударъ двухъ ротъ лѣваго фланга, овладѣвшихъ высотою впереди позиціи, окончилъ это дѣло, столь важное по своимъ послѣдствіямъ. Шамиль надѣялся, что, овладѣвъ Исти-су, онъ будетъ въ состояніи возмутить всю Кумыкскую Плоскость, проникнуть за Терекъ и разграбить наши поселенія; но геройская защита горсти людей въ аулѣ, своевременное появленіе войскъ на угрожаемомъ пунктѣ, превосходныя распоряженія Барона Николаи, рѣшимость его и мужество, наконецъ молодечество русскаго солдата, вѣрнаго извѣстному такти-

ческому правилу Суворова и послѣдователя его Генералъ-Лейтенанта Козловскаго—*идти и бить*, разрушили всѣ планы Шамиля. Четыреста тѣлъ непріятельскихъ было *найдено* около аула и предано погребенію; вся же потеря горцевъ простиралась, по словамъ лазутчиковъ, до тысячи человѣкъ. Мы потеряли убитыми и ранеными до шестидесяти человѣкъ, изъ которыхъ однако сорокъ приходилось на жителей атакованнаго аула. Въ то же время, когда мы дрались на Исти-су, Генералъ-Лейтенантъ Врангель шелъ форсированными маршами на помощь Кумыкской Плоскости, и на другой день утромъ прибылъ, съ двумя баталіонами и нѣсколькими сотнями казаковъ, въ Укрѣпленіе Куринское, гдѣ и стоялъ двѣ недѣли, пока Шамиль не распустилъ своей партіи. Очень быть можетъ, что безъ этого движенія Шамиль попытался бы вторично сдѣлать нападеніе; но, видя готовность принять его, не осмѣлился съ своими двадцатью тысячами принять вторично бой (*). На зиму была объявлена новая экспедиція.

1854, 1855 и 1856 годы.

Движенія Генералъ-Лейтенанта Врангеля весьма поучительны при изученіи войны въ Большой Чечнѣ, потому что въ нихъ возобновилась отчасти старая Вельяминовская система, которая принесла столько пользы на правомъ флангѣ.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ въ рукахъ документовъ для изученія этихъ въ высшей степени поучительныхъ движеній нашего генерала; всѣ наши свѣдѣнія ограничиваются разсказами очевидцевъ, но мы рѣшаемся передать ихъ читателямъ, надѣясь, что каждое извѣстіе о замѣчательномъ человѣкѣ, каждый новый взглядъ на трудную кавказскую войну будутъ вполнѣ занимать ихъ.

Система генерала Вельяминова имѣла въ основаніи правило, что тамъ, гдѣ прошелъ одинъ разъ отрядъ русскій, должна быть безопасная военная дорога. Вельяминовъ двигался большими каре съ авангардомъ, аріергардомъ и боковыми цѣпями, какъ принято и у насъ, съ тою разницею, что цѣпи Вельяминовскаго огромнаго отряда, удаленныя не менѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ колонны, были совершенно

(*) Не могу не упомянуть о забавномъ отвѣтѣ одного плѣннаго Ичкиринца, взятаго въ дѣлѣ подъ Исти-су. Приведенный, въ тотъ же вечеръ, въ Укр. Куринское (куда возвратились войска, за исключеніемъ трехъ ротъ), онъ былъ представленъ начальнику отряда для распросовъ. «Сколько было васъ въ этомъ дѣлѣ?» спросили его, «Копъ», много, отвѣчалъ онъ; «болѣе двадцати тысячъ; я ужъ давно не помню такого сбора». — «Ну, какъ ты думаешь, сколько было насъ?» спросили его опять.—Онъ задумался и отвѣчалъ: «*Извините, я не знаю; намъ некогда было объ этомъ подумать*».

самостоятельны. Горе было тому баталіонному командиру, который допустилъ непріятельской пулѣ просвистѣть надъ колонной. Но требуя отъ начальника цѣпи, чтобы онъ удерживалъ въ большомъ удаленіи непріятеля, Вельяминовъ чрезвычайно усиливалъ цѣпи и двигался весьма медленно, такъ, что авангардъ проходилъ иногда не болѣе четырехъ верстъ въ сутки. Цѣпь, удаленная отъ колонны, шла по горамъ, лѣсамъ, оврагамъ, шла съ боемъ, но шла не торопясь. Лишь только завязывалось сильное дѣло, генералъ Вельяминовъ останавливалъ всю колонну, пока цѣпь не одолѣвала непріятеля и перестрѣлка не затихала. Зная всю трудность боя во время боковаго движенія цѣпи, онъ иногда прибѣгалъ къ слѣдующему маневру. При движеніи авангарда впередъ, резервы на переднихъ углахъ цѣпи постепенно разсыпались, и, вступая въ цѣпь, увеличивали длину ея; между тѣмъ при движеніи аріергарда, хвостъ цѣпи свертывался во взводы, и отходилъ въ резервы; такимъ образомъ вся колонна двигалась, а цѣпь стояла на мѣстѣ, и, стало быть, могла съ большею выгодою дѣйствовать противъ нападающаго на нее непріятеля.—Впереди колонны шли саперы и рабочіе для разработки дорогъ; если мѣстность была лѣсистая, вся колонна останавливалась на нѣсколько дней и вырубала лѣсъ. На ночь войска располагались совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они двигались. Цѣпь, остановившись на ночлегѣ въ лѣсу, немедленно дѣлала засѣки и выставляла часовыхъ, и не было примѣра, чтобы непріятель рѣшился напасть на нее или потревожить главную колонну. Двигаясь медленно, и проходя, въ нѣсколько мѣсяцевъ, лишь небольшія пространства, Вельяминовъ оставлялъ позади себя большія, открытыя дороги, по которымъ, впослѣдствіи, безпрепятственно подвозились жизненные и боевые запасы для отряда.

Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель, не имѣя такого числа войскъ, какъ генералъ Вельяминовъ, не могъ принять вполнѣ его системы; но движеніе его на Джалку, въ 1854—55-мъ году, имѣетъ тотъ же характеръ настойчивости и стройной медленности, которыми отличаются дѣйствія генерала Вельяминова.

Походъ начался въ половинѣ Декабря движеніемъ на Аргунъ въ Тепли, на ту позицію, съ которой Князь Барятинскій двинулся на Куринское. Отрядъ ночевалъ на Аргунѣ и на другой день направился на Джалку. Отсюда внизъ по рѣкѣ, до сліянія ее съ Сунжею, отрядъ шелъ тихо, разоряя враждебные аулы, поселенные на берегахъ ея, прорубая, гдѣ нужно, просѣки, устраивая мосты и переправы, и достигнувъ Сунжи, очистилъ отъ лѣса берега ея, приготовляя дорогу изъ Тепликичу въ Умаханъ-юртъ, о которой мы говорили при обозрѣніи мѣстности Большой Чечни. Окончивъ работу, отрядъ возвратил-

ся тѣмъ же путемъ, слѣдуя обратно, въ двухъ колоннахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Чеченцы, не подозрѣвая обратнаго движенія Барона Врангеля, снова начали занимать полусожженныя сакли, и были застигнуты врасплохъ. Это обратное движеніе имѣло важное вліяніе на умы Чеченцевъ, доказавъ имъ, что они не должны болѣе считать эти поля своими. Прочистивъ старую, заросшую просѣку отъ Джалки до Аргуна, отрядъ нашъ перешелъ на Шалинскую Поляну, и ставъ на р. Басѣ, расчистилъ также старую большую Шалинскую Просѣку, которая заросла уже мелкимъ кустарникомъ, а къ Рождеству возвратился въ Грозную.

Одновременно съ движеніемъ главнаго отряда, другой отрядъ, подъ командою Генералъ-Маіора Барона Николаи, занимался расчисткой просѣки, сдѣланной въ 1853 году на Хабы-шавдонскихъ Высотахъ. Передъ роспускомъ войскъ къ 25-му Декабря, Баронъ Николаи сдѣлалъ усиленную рекогносцировку за Мечикъ.

4-го Января 1855 года, войска наши снова выступили въ походъ. Со стороны Кумыкской Плоскости, отрядъ Генералъ-Маіора Барона Николаи началъ вторую половину экспедиціи взятіемъ укрѣпленія въ лѣсу, противъ старой просѣки 1850 года. Пять ротъ, подъ командою самаго Барона Николаи, прошли лѣсомъ и атаковали укрѣпленіе, между тѣмъ какъ три роты, подъ командою баталіоннаго командира, были выдвинуты на Мечикъ противъ укрѣпленія, чтобы обстрѣлять его съ этой стороны и тѣмъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ атакующей колонны и разработать испорченную на Мечикѣ переправу. Предпріятіе удалось совершенно; войска наши овладѣли редутомъ, сожгли находящіяся въ немъ сакли и фашинную одежду, раскидали валъ, и съ самою незначительною потерею отступили въ Куринское, откуда, на другой день, двинулись къ Умаханъ-юрту и стали лагеремъ на Гудермесѣ.

Между тѣмъ Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель снова двинулся на Джалку. Цѣлью его было прорубить просѣку въ герзелинскомъ лѣсу, вправо отъ Джалки, и проникнуть въ самую средину Большой Чечни. За герзелинскимъ густымъ орѣшникомъ находится обширная плодоносная поляна, на которой поселены многочисленные аулы. Проникнувъ на эту поляну, Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель занялся рубкою просѣки позади своей позиціи, и приготовивъ такимъ образомъ путь отступленія, углубился внутрь страны, уничтожая аулы и истребляя запасы Чеченцевъ. Внизъ по шавдону потянулся онъ потомъ на Джалку, и достигнувъ ея береговъ, пошелъ прежнимъ путемъ на соединеніе съ отрядомъ Генералъ-Маіора Барона Николаи, стоявшаго на Гудермесѣ. Соединеніе двухъ нашихъ отрядовъ совершилось 6-го Января, а 8-го

они вмѣстѣ расположились на берегахъ Гудермеса и занялись расчисткою просѣки на лѣвомъ берегу его обширныхъ полянъ, перерѣзанныхъ во многихъ мѣстахъ болотистыми, топкими ручьями, т. е. до того военнаго пути, по которому прошелъ отрядъ Генералъ-Лейтенанта Барона Врангеля.

Этимъ заключилась экспедиція, приготовившая много новыхъ путей для войскъ нашихъ, при будущемъ ихъ движеніи въ Чечню.—Но рубки на Гудермесѣ были далеко не окончены; Генералъ-Маіору Барону Николаи предстоялъ трудъ увеличить значеніе гудермесской просѣки, проложивъ новый путь въ глубь Чечни, паралельно Качкалыковскому Хребту. Это было исполнено въ Январѣ 1856 года.

28-го Декабря 1855 года, отрядъ изъ восьми баталіоновъ, при восьми орудіяхъ и четырнадцати сотняхъ казаковъ, собрался, подъ командою Генералъ-Маіора Барона Николаи, на Гудермесѣ. Отъ шавдона, топкой, болотистой рѣчки, на которой, въ Январѣ 1855 года, соединились два отряда, тянется къ востоку частый дубнякъ, за которымъ открывается Гертменская Поляна. Аулъ Гертме, отъ котораго эта поляна получила свое названіе, находится на берегу другаго шавдона, который отличается однако отъ перваго твердымъ песчанымъ грунтомъ. Пока существовалъ аулъ Гертме, подъ прикрытіемъ густаго лѣса, до тѣхъ поръ гудермесская просѣка, долженствовавшая обезпечивать дорогу изъ Тепликичу къ Умаханъ-юрту и уничтожить въ этомъ углу Чечни непріятельскія поселенія, не выполняла своего назначенія. Генералъ-Маіору Барону Николаи поручено было дорубиться влѣво отъ просѣки до поляны и уничтожить аулъ. Отъ 29-го Декабря до 13-го Января продолжались рубки, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Нерѣдко завязывалась горячая ружейная перестрѣлка. Мѣстность чрезвычайно способствовала горцамъ защищать этотъ пунктъ, въ который сбѣжалось народонаселеніе всѣхъ ауловъ, ушедшихъ съ Джалки и Герзелинской Поляны послѣ похода Генералъ-Лейтенанта Барона Врангеля. Три непріятельскихъ орудія, дѣйствовавшія перекрестно по колоннѣ, изъ-за топкихъ шавдоновъ, наносили ей значительный уронъ; часто массы непріятельской кавалеріи кидались на аріергардъ при отступленіи, или, спѣшившись, занимали опушку гертменскаго лѣса и пропускали цѣпь мимо убійственно мѣткихъ своихъ выстрѣловъ. Но 3-го Января они дорого поплатились за появленіе по сю сторону топкаго шавдона. При отступленіи колонны, Генералъ-Маіоръ Баронъ Николаи приказалъ Подполковнику Полякову слѣдить за непріятелемъ и перейти въ наступленіе, когда онъ, увлеченный преслѣдованіемъ, удалится на значительное разстояніе отъ шавдона. Въ трехъ верстахъ отъ этой рѣчки

началась атака, одна изъ блестящихъ въ кавказской войнѣ. Подполковникъ Поляковъ, бывшій начальникомъ кавалеріи, распорядился направить часть ея на единственную переправу топкаго шавдона, а съ остальною ударилъ съ фронта на массы непріятеля, который, по принятому обыкновенію, обратился въ бѣгство. Къ несчастію горцевъ, они не знали свойствъ болотистой рѣчки (*), и толпы Тавлинцевъ, бросившись съ высокаго отлогаго берега, потонули въ грязной тинѣ, преслѣдуемые казаками. Ихъ погибло здѣсь, какъ говорили лазутчики, до двухъ сотъ человѣкъ. Атака наша была причиною почти совершеннаго прекращенія ружейной перестрѣлки. Изрѣдка только, во время рубки лѣса, раздавались кое-гдѣ выстрѣлы джигитовъ, которые впрочемъ мгновенно исчезали. Одинъ только артиллерійскій огонь сильно безпокоилъ колонну. 9-го Января, Баронъ Николаи, прорубивъ просѣку на Гертменскую Поляну, двинулся съ большею частію отряда на самый аулъ, чтобы разорить его. Гертме былъ сожженъ, и тѣмъ уничтоженъ одинъ изъ главнѣйшихъ притоновъ разбойничьихъ шаекъ, готовившихся пробраться за Терекъ или подъ аулы Кумыкской Плоскости. Теперь только получила гудермесская просѣка свое значеніе, отрѣзавъ весь уголъ отъ слія-нія Мечика съ Гудермесомъ до аула Дахенарзау, на Сунжѣ, въ трехъ верстахъ отъ Тепликичу.

Изложивъ въ этомъ краткомъ очеркѣ все, что сдѣлано было въ Большой Чечнѣ до настоящей минуты, мы остановимъ вниманіе читателя на множествѣ военныхъ путей, которые проложили мы съ 1850 года. Шалинская и мезенская просѣки на югѣ; просѣка Джалки и герзелинскаго лѣса на западѣ; гудермесская на сѣверо-востокѣ, двѣ качкалыковскія на сѣверѣ, идутъ какъ радіусы отъ окружности Чечни къ ея центру, между тѣмъ какъ отважныя движенія Князя Барятинскаго, въ 1852 году, къ Автуру и потомъ сквозь Чечню къ Куринскому, дали намъ ясное понятіе о мѣстности и о тѣхъ путяхъ, которые слѣдуетъ еще проложить.

Повторяемъ еще разъ: у Чеченцевъ есть убѣжденіе, что рано или поздно они должны отложиться отъ Шамиля, а у послѣдняго, что Чечню защищать невозможно. Изнуренные податями Шамиля, страшась нашихъ экспедицій, Чеченцы ждутъ часа нашего прибытія не со страхомъ, а въ надеждою. Сношенія съ родственниками, живущими въ мирныхъ аулахъ, давно убѣдили ихъ въ превосходствѣ нашего управленія, въ безопас-

(*) При защитѣ Чечни, какъ и вездѣ въ военныхъ дѣйствіяхъ, Тавлинцы играютъ главную роль. Не Чеченцы защищаютъ Чечню, а Шамиль, и на этотъ случай можно указать какъ на разительный примѣръ недоброжелательства, которое питаютъ Чеченцы къ своимъ защитникамъ.

ности частной собственности, въ выгодахъ торговли съ нами, въ необходимости удовлетворять свои потребности нашими произведеніями. Они знаютъ, что войска русскія защищаютъ семейства ихъ соотчичей, берегутъ ихъ хлѣба и запасы, кровью своею отстаиваютъ дома недавнихъ враговъ, и что Шамиль не можетъ защитить ихъ, и съ радостью прибѣгнутъ подъ защиту Россіи.

Сами они не могутъ противустоять Шамилю, котораго мюридовъ ненавидятъ и по племенной враждѣ, раздѣляющей ихъ съ Тавлинцами, и по убѣжденію, что самъ Шамиль смотритъ на нихъ съ крайнимъ недовѣріемъ.

Но не отъ Чеченцевъ зависитъ будущность ихъ земли; не этому полудикому, безпечному племени разработать богатства края и воспользоваться ими. Только смышленый русскій человѣкъ съумѣетъ извлечь сокровища изъ нѣдръ этой прекрасной долины, разведетъ здѣсь огромные табуны, займется овцеводствомъ, разведетъ здѣсь шелковичныхъ червей, устроитъ мельницы и фабрики, учредитъ базары, на которые будутъ стекаться богатства неисчислимыя, и тогда взаимныя выгоды свяжутъ Чечню съ Россіею, и сольютъ ее съ нею на вѣки.

Мая 24-го 1856 года.

(Изъ №№ 159, 160, 164, 165, 166 и 167-го «Русскаго Инвалида» 1856 года.)

Печатано въ Военной Типографіи.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 23-го Сентября 1856 года.
Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

Гос. Публичная